

NON

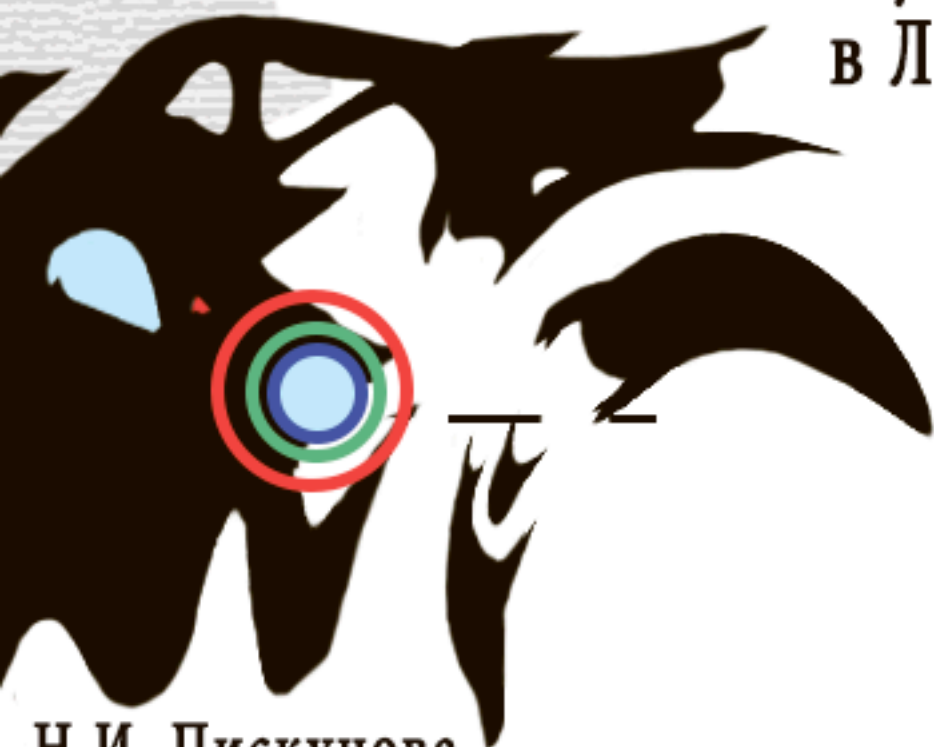
MARCH-APRIL 2021

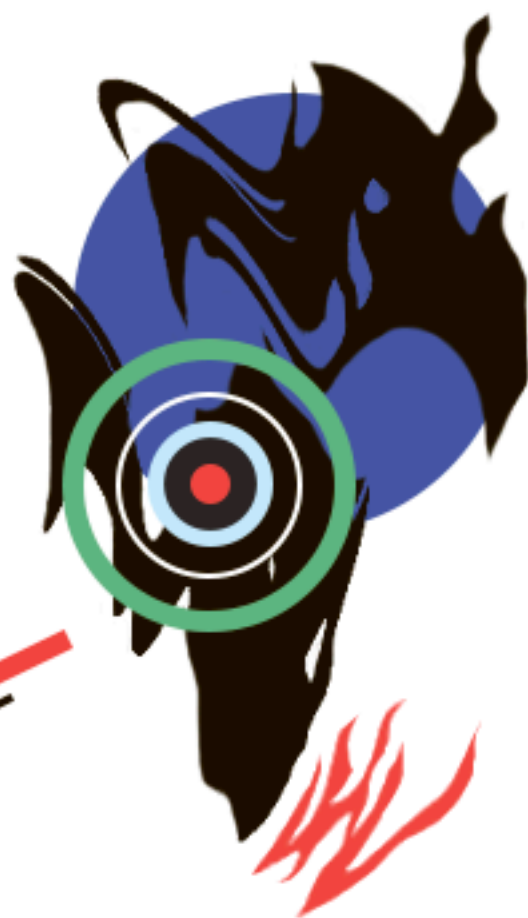
PAPER

Расчетливая щедрость Китая, или как КНР изменила геополитическую расстановку сил в Латинской Америке

Н.И. Пискунова
о международном
женском движении

Не единым регионом живы:
как устроена жизнь
на программе
«Региональные проблемы
мировой политики»

СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ

Расчетливая щедрость Китая, или как КНР изменила геополитическую расстановку сил в Латинской Америке
Ксения Быстрицкая 4

На перипетиях внешней политики?
Роберт Абоян 6

НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

«Возрождение» Эфиопии — «закат» Египта: как новая ГЭС изменит баланс сил на Ниле?
Анастасия Селезнева 9

Контртеррористическая стратегия Франции как элемент коллективной безопасности: проблемы последних лет
Оксана Тымченко 11

NON PAPER

Главный редактор: **Анастасия Пушкарёва**
Заместитель главного редактора: **Максим Мотин**
Художественный редактор: **Александра Войкова**
Куратор: **Алексей Валериевич Фененко**
Корректора: **Анастасия Холодная, Валерия Овчинникова, Дарья Литвякова, Екатерина Безносикова, Ксения Калинина, Никита Немец, Сельби Эсенова**

Главы тематических отделов: **Александр Курочкин (РП), Даниил Растегаев (МБ), Дарья Киселева (ИОВП), Максим Шустров (МО)**
Редактор: **Екатерина Борщевская**
Журналисты: **Александр Кудрявцев, Алексей Лотоцкий, Алина Вернигора, Амалия Таджетдинова, Анастасия Селезнева, Анна Голикова, Даниил Растегаев, Дарья Рожкова, Елена Никольская, Ксения Быстрицкая, Николай Марченко, Оксана Тымченко, Роберт Абоян, Софья Полковникова**

Верстка: **Александра Войкова, Анна Сухарева**
Обложка: **Полина Музалевская**

Фотографии: **фотоархив ФМП, личные фотоколлекции студентов, интернет-источники**

Дата издания: 16 апреля 2021 г.

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Международные женские движения и феминизм сегодня: правда и вымысел
Интервью Н. И. Пискуновой
газете **Non Paper** 14

Имперский либерализм. Идея свободы превратилась в свою противоположность
А. В. Фененко 18

Рейтинг «мягкой силы» в мировой политике
Интервью Н. В. Юдина газете **Non Paper** 20

АКТУАЛЬНО

Спортивная дипломатия VS спортивные международные отношения: концептуальный анализ
Даниил Растегаев 23

Влияние пандемии коронавируса на мировую ТЭК
Амалия Таджетдинова 25

НСО-TODAY

Открытие Весенней школы НСО – лекция президента ФМП Л. Э. Слуцкого
Александр Кудрявцев 27

Весенняя школа НСО: встречи-практикумы
Ксения Быстрицкая 28

Постсоветское пространство как арена соперничества интеграционных проектов
Дарья Рожкова, Софья Полковникова 29

АРХИВ ФМП

Информация правит миром. Магистерская программа ФМП ИОГИ
Елена Никольская 30

Не единым регионом живы: как устроена жизнь на программе «Региональные проблемы мировой политики»
Алина Вернигора 32

Модель ООН МГУ: с чего все начиналось и как прошло в 2021 г.
Интервью О. М. Нарышкиной
газете **Non Paper** 34

ОТ РЕДАКТОРА

Дорогой читатель!

Рада вновь встретиться с тобой! Новый номер получился необычным: в этот раз мы решили совместить материалы за март и апрель в одном выпуске. Я уверена, ни одна из статей выпуска не оставит тебя равнодушным.

Тем, чья внутренняя батарейка на исходе, мы предлагаем немного взбодриться и прочитать о феномене спортивной дипломатии, а также о влиянии пандемии COVID-19 на мировой ТЭК. Однозначно повысят уровень бодрости и усилят желание подискутировать статьи о специфике международной политики Нидерландов, о китайской экспансии в Латинской Америке, равно как и о строительстве новой ГЭС в Эфиопии в контексте расстановки сил в регионе.

Наша постоянная рубрика «Мнение эксперта» порадует тебя, читатель, двумя увлекательными интервью. В одном из них Н. И. Пискунова, доцент кафедры международной безопасности ФМП МГУ, кандидат политических наук, расскажет о международных женских движениях, а в другом кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ Н. В. Юдин проанализирует основные аспекты рейтинга «мягкой силы» 2021 г. Видео-версию каждого из интервью ты сможешь найти на нашем You-Tube канале. Также мы публикуем недавно вышедшую статью нашего куратора, А. В. Фененко о современном состоянии либерализма, не пропустите ее!

Вряд ли для тебя является секретом наше сотрудниче-

ство с Научным студенческим обществом ФМП МГУ. Теперь его активные участники готовят информационные обзоры каждой лекции и семинара, проходящих в рамках недавно начавшейся Весенней школы НСО. А мы публикуем их в новой рубрике – «НСО-today».

Обрати особое внимание на статью о современной расстановке сил на международной арене. Биполярность была трендом XX в., чего стоит ожидать сегодня? А также не пропусти анализ контртеррористической стратегии Франции в контексте актуальных вызовов, с которыми стране пришлось столкнуться в последнее время.

Думаешь, это конец? Нет. Мы подготовили еще несколько интересных тем. В частности, если ты студент четвертого курса и, размышляя о магистерских программах ФМП МГУ, мучительно выбираешь между регионами и ИОГИ, наши приглашенные журналисты помогут тебе окончательно определиться. А если ты переживаешь, что мало знаешь о модели ООН, из-за чего у тебя не получилось принять в ней участие в этом году, не расстраивайся, ведь куратор MSUMUN, старший преподаватель кафедры международной безопасности ФМП МГУ, заместитель декана по внеучебной работе О. М. Нарышкина в своем интервью на страницах Non Paper расскажет тебе подробнее об этом грандиозном факультетском событии.

Надеюсь, что ты готов вновь погрузиться в мир современных политических процессов и фактов. Приятного чтения! Заряжайся знаниями вместе с нами!

Carpe diem,
Анастасия Пушкарева,
главный редактор Non Paper

Присоединяйтесь
к нашей группе
ВКонтакте!
[https://vk.com/
nonpaper_official](https://vk.com/nonpaper_official)

Подписывайтесь на
нас в Инстаграме!
[@non.paper](https://www.instagram.com/non.paper)

Расчетливая щедрость Китая, или как КНР изменила геополитическую расстановку сил в Латинской Америке

Реальность XXI века такова – экономическая мощь страны определяет ее политическую силу. Темпы экономического роста Китая для обычных людей кажутся лишь удивительными цифрами, противоречием экономической науки, однако за этим стоит новая форма беспрецедентного политического влияния, подкрепленного авторитетом одной из мощнейших экономик мира – китайской. Одной из таких новых сфер влияния стала Латинская Америка, страны которой открывают свои рынки для китайских товаров и капиталов. Чем еще Китай покупает политическое влияние в регионе и как это сказывается на стратегическом противостоянии двух мощнейших экономик мира США и Китая? Постараемся разобраться.

С начала XXI века ускоренные темпы экономического развития КНР, приумножающаяся мощь на мировых рынках и заявка на доминирование в мировой экономике все больше и больше изменяют геополитическую картину мира. Ставя под сомнение устоявшиеся традиции о разграничении сфер влияния, Китай стирает линии регионов и заявляет о своих претензиях на части света, которые испокон веков были защищены либо доктриной Монро, либо авторитетом Соединенных Штатов Америки. Латинская Америка довольно долго считалась экономическим и политическим сателлитом США, а большинство стран данного региона безоговорочно вторили словам своего «старшего брата» в лице Соединенных Штатов. Но стоит отметить, что своеобразие и эгоизм американских элит не только подорвали авторитет США как стратегического лидера региона, но и способствовали постепенному ослаблению экономического влияния американских администраций. КНР, прекрасно оценивая геополитическую обстановку данного региона, оказала поддержку, предложив латиноамериканским странам кредиты, капиталы, инвестиции, свой рынок для сбыта и, самое главное, товары. К 2012 г. Китай уже [был третьим](#) торгово-экономическим партнером стран Латинской Америки. Расчетливая щедрость китайского

правительства выглядела для стран Латинской Америки не просто выгодной экономической альтернативой, а возможностью ослабить доминирование США в регионе. Сближение КНР и стран Латинской Америки было не остановить. В течение 2000-х гг. Китай заявлял о решительном намерении инвестировать в экономику региона более 100 млрд долл. (что, надо сказать, было успешно осуществлено). В 2010 г. Венесуэла продала Китаю до 500 тыс. баррелей нефти, а уже в 2013 г. инвестиции КНР в энергетический сектор составляли около 13 процентов. В тот же период лидер КНР Си Цзиньпин совершил ряд двусторонних визитов в страны Латинской Америки, что способствовало расширению взаимодействия между странами. В 2015 г. интеграционная организация Латиноамериканских стран и карибских государств СЕЛАК декларировала дальнейшее упрочение экономических и политических связей с Китаем. В последние годы Поднебесная заявляет о намерении инвестировать еще 250 млрд долл., развивать инфраструктуру и быть неотъемлемой частью хозяйственной жизни региона.

Безусловно, присутствие КНР в Латинской Америке, основанное на ряде двусторонних отношений с лидерами в регионе, можно охарактеризовать не иначе как

стратегическое партнерство. Подобные доверительные отношения Китай установил с Бразилией, Венесуэлой, Мексикой, Аргентиной и Перу. Торговые отношения Бразилии и Аргентины с Китаем обусловлены продовольственной проблемой латиноамериканских стран. Около [30 процентов](#) общего экспорта Бразилии направлены в Китай, начиная с сои и заканчивая железной рудой. Бразилия хоть и понимает угрозу зависимости от экспорта в Китай, однако не имеет какой-либо альтернативы в виде еще одного столь же щедрого покупателя своей продукции. Из Аргентины Китай также импортирует бобы, говядину и при этом оказывает существенную финансовую помощь, развивает инфраструктуру страны. Основой сотрудничества является обязательное условие для стран региона, согласно которому строительство и обслуживание строящейся инфраструктуры выполняются китайскими компаниями, а все необходимое оборудование поставляется из КНР и изготавливается в Китае. Крупнейшие международные азиатские банки, возглавляемые Пекином, активно расширяют сферу влияния в Латинской Америке за счет строительства железнодорожных путей, дорог и другой соответствующей инфраструктуры. С Мексикой Китай поддерживает тесное политическое сотрудничество на основе схожих взглядов на обеспечение стратегической стабильности в регионе, но при этом не является значительным спонсором экономики этой страны. Другие государства региона, такие как Коста-Рика, Перу и Чили, в меньшей степени открывают свои рынки для китайских товаров, однако не исключают возможности более тесного сотрудничества с Китаем и уже подписали соглашения о свободной торговле с Народной Республикой.

Развивая двусторонние отношения, Китай не обходит стороной и интеграционные объединения Латинской Америки, одним из которых является наиболее перспективная международная организация в регионе — СЕЛАК. По результатам ряда саммитов 2010-х гг. КНР и СЕЛАК установили прочные торгово-экономические связи, основой которых является взаимовыгодная поставка товаров и ресурсов на рынки друг друга. Так, Китай стал основным рынком сбыта энергетических и продовольственных ресурсов Латинской Америки, которая, в свою очередь, стала для Китая открытым рынком сбыта китайской продукции и благоприятным плацдармом для китайских инвестиций в развитие технологий, инфраструктуры и космоса. Развивая технологии двойного назначения под прикрытием финансовой и экономической помощи, Китай заявляет свои намерения на доминирование в регионе, угрожая США как исконному обладателю данного первенства. Помимо СЕЛАК Китай создает и личные интеграционные программы, например, ФВАЛАС (Форум восточно-азиатско-латиноамериканского сотрудничества), что также способствует продвижению интересов Китая в Латинской Америке.

Активное экономическое освоение Латинской Америки, конечно, обусловлено реальной потребностью КНР в ресурсах, сырье, сельскохозяйственной продукции. Однако, выстраивая тесные торговые связи, Китай преследует и стратегические цели. Подобная демонстрация

своих амбиций на бывшей монополярной «вотчине» Соединенных Штатов имеет свои политические причины. Китай не только демонстрирует мощь своей экономической машины и претензии на лидерство в регионе, но и показывает США, что Китай усвоил «правила игры», установленные Штатами (где США имели свой военный потенциал в Южно-Китайском море и поддерживали правительство Тайваня). Открытая форма геополитического противостояния основана на безусловных стремлениях КНР заявить о своем новом исключительном положении не только как сильнейшей экономики мира, но и как сверхдержавы. С этой целью, в частности, в Латинской Америке, Китай активно демонстрирует уважение к правящим элитам латиноамериканских стран, отсутствие намерений «экспортировать» революцию или же насадить инструкции поведения на международной арене. Представленная КНР в 2008 г. «Белая Книга» декларировала сотрудничество с государствами региона на основе равенства, совместного развития и взаимной выгоды.

Подобная деятельность КНР не могла остаться незамеченной бывшими «лидерами» влияния в Латинской Америке. США и ЕС не раз выражали обеспокоенность действиями Китая в регионе, предпринимая попытки вернуть утраченное доверие, а также заключая соглашения на саммитах СЕЛАК или же укрепляя зону свободной торговли НАФТА. При этом американские эксперты считают, что Китай не представляет значительной угрозы для доминирования США в регионе, поскольку он не в силах добиться той вовлеченности, которая есть у США в Латинской Америке. Безусловно, КНР так не считает и развивает экономическое, политическое и культурное взаимодействие как на уровне двусторонних отношений, так и на уровне контактов с интеграционными организациями. В условиях пандемии Китай оказывал значительную поддержку странам Латинской Америки, бесплатно поставляя средства индивидуальной защиты, маски, а на данный момент страны Латинской Америки активно принимают китайскую вакцину от коронавируса. Это также подрывает позиции США в регионе, оставляя за Китаем право претендовать на особый авторитет в Латинской Америке.

Эксперты считают, что, несмотря на активные действия Китая по развитию отношений со странами Латинской Америки, КНР фактически будет стараться сохранить некий треугольник «Китай – Латинская Америка – США», в котором будет придерживаться принципа баланса сил. Стоит отметить, что экономические и торговые связи Китая и Латинской Америки, как и у любых других государств, подвержены ряду вызовов, возможны финансовые потери для Китая и риск неустойчивого положения в случае смены правительств в ряде стран. Однако действия Китая в Латинской Америке уже изменили геополитическое расположение сил в регионе. КНР доказала, что экономическое влияние способно повысить политический вес государства и открыть новые регионы для лидерских амбиций страны.

Ксения Быстрицкая

На перипетиях внешней политики?

Предыдущие два месяца выдались для премьер-министра Нидерландов по-настоящему трудными. Январский скандал с пособиями, приведший к отставке правительства, вместе с начавшимися массовыми беспорядками в Амстердаме обещали Стране тюльпанов интересные выборы в Генеральные штаты. Однако [результаты](#) прошедшего 17 марта голосования не стали сенсационными. Правящая партия упрочила позиции, а ее лидер Марк Рютте в очередной раз пролонгировал себе премьерство. Каковы причины незыблемости Марка Рютте? Изменится ли что-то в голландской внешней политике? Или Амстердам останется «[антироссийской цитаделью либерализма](#)»?

На прошедших выборах в нижнюю палату Генеральных Штатов решалась судьба 150 депутатских мест. Прочные позиции в голландском парламенте с 2010 г. занимает Народная партия за свободу и демократию или сокращенно VVD, лидером которой является несменяемый Марк Рютте. По прошествии 11 лет премьерства лидера VVD [сложилось](#) правило номер один в политике Нидерландов — всегда побеждает Рютте. Однако традиционное доминирование Народной партии могли прервать наступающие мартовские иды в виде парламентских выборов на фоне накалившейся до предела обстановки.

Во-первых, очередная волна пандемии в Европе [не обошла](#) королевство, рост заболеваемости прослеживался с конца сентября вплоть до начала ноября, в середине декабря произошел еще один скачок числа заболеваний. Предполагалось, что в новом 2021 г. удастся быстро провести первый этап вакцинации и начать постепенное возвращение к нормальной жизни, однако голландское Министерство здравоохранения, следуя примерам других европейских государств, [приостановило](#) использование британской вакцины AstraZeneca

после выявления нескольких случаев тромбозии у привившихся. Приостановка вакцинации сместила сроки полноценного выхода из локдауна.

Во-вторых, Голландия на фоне действия перманентных антиковидных ограничений стала одним из самых протестных регионов Европы. Во время январских [беспорядков](#) улицы главных городов королевства были охвачены хаосом и жестокостью со стороны как протестующих, так и полицейских. Для граждан еще одним поводом выйти на улицу стало введение впервые со времен Второй мировой войны комендантского часа. На этот раз мартовский протест в Гааге напоминал [средневековую](#) битву: против нарушителей общественного порядка, собравшихся в парке, применялась конная полиция, правоохранители несли щиты и били протестующих дубинками.

В-третьих, голландское общество было потрясено скандалом с детскими пособиями, которые стали причиной [отставки](#) правительства Марка Рютте. Государственная налоговая служба годами безосновательно заносила родителей в черный список управления, тре-

буя при этом компенсации за выплаченное пособие, которое предоставлялось для покрытия расходов на детский сад или профессиональный присмотр за ребенком. И так, целый ряд скандалов и кризисов результировал в падении рейтингов VVD. В период с конца января до середины марта Народная партия за свободу и демократию [потеряла](#) четыре процента поддержки, согласно данным, представленным в интернет-издании Politico.

Однако результаты выборов показали сохранившуюся лояльность избирателей к VVD, а ожидания оппозиции, охотно использовавшей скандал с пособиями для набора политических очков, не оправдались. Правящая партия увеличила свое представительство еще на одно депутатское [место](#) (с 33 до 34). Так почему Марку Рютте удалось выйти сухим из воды после такого турбулентного периода?

Очень часто нидерландского премьер-министра [называют](#) «тефлоновым Рютте», подчеркивая способность лидера VVD не терять поддержку в ходе каких-либо кризисов или скандалов. Непотопляемость премьера объясняется рядом субъективных и объективных факторов. Личность Рютте играет существенную роль в достижении политических успехов уже более 10 лет. «Тефлоновый премьер» не является ярким политическим деятелем. Он ведет обычный образ жизни: один раз в неделю преподает в школе обществознание, не стесняется ездить на работу на велосипеде, часто заходит в первые встречные кафе и рестораны. [Видео](#), где премьер-министр богатейшей страны ЕС моет пол, стало вирусным в голландском интернет-сегменте. Политическое издание Politico [окрестило](#) Марка Рютте «The Netherlands' Mr. Normal». Кажется, образ спокойного, ничем не примечательного премьера, выполняющего свою работу, идеально вписывается в голландские реалии. Жителям родины тюльпанов нравится и политическая программа его партии: защита индивидуальных прав и свобод, экономический либерализм, уменьшение налогового гнета на средний и малый бизнес, быстрая интеграция беженцев в новое общество, социальный консерватизм. 70 процентов населения Нидерландов [принадлежит](#) к среднему классу, заинтересованному в низких налогах. Широкая социальная группа мелких собственников и предпринимателей является электоральной базой умеренно правых сил, главной из которых считается Народная партия за свободу и демократию.

Если партия Марка Рютте настолько популярна и имеет наибольшее представительство в нижней палате парламента, то почему должна образовывать коалиции и идти на неудобные компромиссы с другими силами?

Необходимо понимать, что в Палате представителей Нидерландов могут заседать все партии, набравшие 0,66667 процента голосов. Очень низкий проходной барьер гарантирует возможность различным поли-

тическим силам принимать участие в работе законодательных органов. Это отличает королевство от большинства стран ЕС, где [действует](#) «пятипроцентная оговорка». Таким образом, в нижней палате парламента Голландии представлено восемь партий, набравших пяти процентов голосов. Членство огромного количества сил в Палате представителей вкупе с использованием пропорциональной избирательной системы предопределяет «распыление голосов» граждан и, как следствие, недобор доминирующей партией мест в парламенте для образования большинства. Необходимо образовывать расширенные коалиции. Прощая, например, состояла сразу из четырех партий: лидирующей НПСД, Христианско-демократической партии, Демократов 66 и Христианского союза. На момент написания статьи М. Рютте не озвучил состав новой коалиции, однако с уверенностью можно [предположить](#), что в нее войдут Народная партия за свободу и демократию (VVD) и Демократы 66 (D66), т.е. первые две партии по количеству набранных голосов. Проблема заключается в том, что у VVD и D66 разное понимание роли и места Нидерландов в Европейском Союзе, а представительство демократов увеличилось, и теперь они вторая по величине политическая сила. Так будут ли изменения во внешней политике Голландии при новом правительстве?

Несмотря на то что обсуждение внешней политики [не являлось](#) главной темой предвыборной гонки, особая позиция Амстердама по миграционному вопросу, [вхождение](#) Голландии в так называемую группу «*frugal four*», которая имеет разногласия с Германией и Францией относительно финансово-бюджетной политики ЕС, сложные отношения с Турецкой республикой, а также проблема взаимодействия с Российской Федерацией и многие другие аспекты нидерландской внешней политики не исчезли, а это значит, что новое правительство в следующие пять лет обязательно столкнется с необходимостью их решения.

Марку Рютте, скорее всего, придется искать компромиссы с Демократами 66, которые [выступают](#) за тесную интеграцию с ЕС, мягкую миграционную политику и мультикультурализм. Весьма вероятно, что 24 мандата, которые получили демократы, будут существенным политическим капиталом, влияющим на действующего премьер-министра. Для образования большинства нужно получить как минимум 76 мест в Палате представителей, и без мандатов D66 сделать это будет практически [невозможно](#). Поэтому, в случае образования коалиции между VVD и D66, М. Рютте придется договариваться с Брюсселем и становиться более «*conciliatory in Europe*», как [пишет](#) английская газета The Guardian.

При такой коалиции, вероятно, изменится и позиция королевства относительно миграционного вопроса, а также отношение к турецкому этническому сообществу, проживающему в нескольких крупных городах Нидерландов. D66 приветствует мультикультурализм,

поэтому миграционная политика станет предметом споров между партиями. В свою очередь, пересмотру могут подвергнуться турецко-голландские отношения, которые охладели в марте 2017 г., когда МИД Нидерландов [не пустил](#) представителей турецкой делегации, прибывшей с целью агитации за принятие конституционной реформы в Турции, на территорию страны. Турецкая республика не раз [обвиняла](#) Голландию в нарушении прав этнических турок. Антитюркизм также станет темой для обсуждения между «тефлоновым Рютте» и лидером D66 Сигрид Кааг.

Но все же, при довольно разных позициях по миграционному вопросу и политике Нидерландов в рамках Европейского союза, у двух партий есть «точка соприкосновения», выраженная в антироссийском консенсусе, т.е. в одобрении политики НАТО по сдерживанию российской угрозы безопасности и свободе европейских государств. Как [VVD](#), так и [D66](#) выступают за продолжение сотрудничества с Североатлантическим альянсом. Солидарность объясняется отсутствием собственных средств защиты у маленького королевства, и это признается на официальном уровне. Так, Марк Рютте [заявил](#) на выступлении в Нидерландской атлантической ассоциации: «Мы не можем гарантировать свою безопасность». Надо отметить, что катализатором антироссийской риторики и санкций стали вхождение Крыма в состав России в 2014 г. и крушение авиалайнера MH17 в июле того же года.

Российско-нидерландские отношения вряд ли изменятся при текущей динамике развития. Каким бы ни был новый кабинет Марка Рютте, позитивные продвижения в отношениях возможны при существенных уступках России.

В целом, внешнеполитическое развитие королевства Нидерландов не претерпит существенных изменений

в отношениях с теми государствами, которые считаются главными [угрозами](#) Европе, ведь даже в период острой борьбы с коронавирусной инфекцией, когда потенциальная опасность «агрессоров» сменилась реальной опасностью пандемии коронавируса, призывы увеличить финансирование альянса периодически появлялись в государственном политическом дискурсе. Однако отношение нидерландского правительства к внутренним проблемам Европейского союза под давлением еврооптимистов в новом кабинете Рютте будет изменено с большей долей вероятности в положительную для Брюсселя сторону.

Роберт Абоян

«Возрождение» Эфиопии — «закат» Египта: как новая ГЭС изменит баланс сил на Ниле?

Второе десятилетие XXI века Эфиопия начала с создания ГЭС «Хидасэ» – важного объекта для дальнейшего развития страны. Согласно утверждениям Аддис-Абебы, проект также выгоден другим государствам Нильского бассейна. Однако Египет и Судан объявили ГЭС угрозой своей национальной безопасности. Поэтому параллельно строительству, начиная с 2011 г., ведутся трехсторонние переговоры о запуске и управлении проектом.

В июне 2021 г. будет запущен второй раунд заполнения гидроэлектростанции «Хидасэ», также [известной](#) как плотина Великого Эфиопского возрождения. ГЭС построена в регионе Бенишангул-Гумуз, на реке Голубой Нил, примерно в 40 км от Судана. Плотина составляет 175 м в высоту и предназначена для выработки около 6000 МВт. В комплекс ГЭС также входит водохранилище площадью в 1541 км² и объемом в 74 км³. «Хидасэ» в настоящий момент [считается](#) крупнейшим гидропроектом в Африке.

В апреле 2011 г. Эфиопия объявила о подписании контракта с итальянской строительной компанией «Salini Costruttori» и запуске проекта плотины Великого Эфиопского возрождения. Бюджет составил примерно 4,8 млрд долл. США. Согласно [заявлениям](#) эфиопского правительства, проект был объявлен полностью национальным, поскольку основным источником финансирования выступили вклады граждан. Основной целью строительства ГЭС была названа выработка энергии для собственного потребления и экспорта в соседние государства. Египет выразил обеспокоенность по поводу размеров плотины. Однако Эфиопия заверила, что «Хидасэ» не повлияет на годовой объем воды, поступающий в Судан и Египет. В 2013 г. Международная панель экспертов, состоявшая из 10 членов (по два от Эфиопии,

Судана и Египта и четыре международных специалиста), оценила, что строительство плотины в целом не принесет вреда ирригационным системам соседних государств, однако требуются дополнительные исследования данной проблемы, в частности вопросы безопасности сооружения, экологии и соотношения количества воды в реке и скорости утечек.

Водные ресурсы часто являются причиной споров и конфликтов. Территории возле реки Нил не стали исключением. Перенаселение и быстрая урбанизация в регионе привели к нехватке продовольствия и электроэнергии, санитарным проблемам и возрастанию потребности в ирригации. Данные проблемы ведут к необходимости увеличения запасов воды. Таким образом, обладание водными ресурсами становится вопросом выживания населения.

Состояние напряженности в отношениях между государствами бассейна реки Нил сохранялось на протяжении десятилетий. В 1929 г. Египет объявил о приоритетном праве государства на ресурсы реки (использование 100 процентов потенциала), что было закреплено в англо-египетском соглашении того же года. Спустя три десятилетия, в 1959 г., на тот момент Объединенная Арабская Республика (Сирия и Египет) «подели-

лась» водой с Суданом. Согласно подписанному соглашению, Египет мог ежегодно потреблять 24 млрд м³ водных ресурсов, а Судану выделялось 4 млрд м³. В XXI веке цифры увеличились до 55,5 млрд м³ и 18,5 млрд м³ соответственно. Стороны также договорились о строительстве Асуанской (Египет) и Росейрской (Судан) плотин. Минусом данного соглашения стало то, что интересы других стран Нильского бассейна не учитывались. Нехватка воды и значительный прирост населения в африканских странах привели к отказу Танзании, Кении, а позже Уганды признать легитимность соглашений 1929 и 1959 гг. Государства запускали проекты по строительству гидроэлектростанций и водоочистительных сооружений, хотя малый уровень воды в реке и наличие других источников энергии ограничивали масштабы этих проектов. На Эфиопское нагорье, напротив, приходится 86 процентов общего потенциала, но страна имела право использовать только один процент. Воды Нила были жизненно необходимы государству для строительства ирригационных сооружений. Египет, обладавший на тот момент мощным военным и экономическим потенциалом и практически монополизировавший реку, отказывался от перераспределения квот. Однако после заявления эфиопского министра торговли и промышленности Ато Гирмы Бирру о принуждении Египтом африканских стран отказывать Эфиопии в помощи, Каир [дал](#) Аддис-Абебе «зеленый свет» на реализацию нескольких крупных проектов.

К началу XXI века рост потребности в большем объеме воды заставил африканские страны Нильского бассейна активизироваться в борьбе за пересмотр квот. В 2010 г. Руанда, Бурунди, Уганда, Танзания, Кения и Эфиопия подписали соглашение, по которому страны получали право на строительство сооружений без одобрения Египта и создавали специальную комиссию для пересмотра квот на воду. Заключение такого рода договора, а также объявление о строительстве ГЭС резко обострило отношения Каира и Аддис-Аббебы. Президент Египта Абдель Фаттах Сиси подчеркивал, что, хотя Нил является единственным источником жизни для Эфиопии, и плотина «Хидасэ» станет производителем экологически чистой электроэнергии для импорта, чрезмерное потребление ресурсов может нанести значительный ущерб другим странам бассейна. Однако его партнер по соглашению 1959 г. глава Судана Омар аль-Башир в 2013 г. подписал с премьер-министром Эфиопии Хайлемариамом Десаленем ряд соглашений, включавших договоренность о поставке электричества после возведения ГЭС. Кроме того, «Хидасэ» позволит Судану стабилизировать уровень и подачу воды.

После нескольких раундов переговоров Эфиопия, Судан и Египет 23 марта 2015 г. подписали Декларацию принципов строительства плотины Великого Эфиопского возрождения. Стороны [договорились](#) о совместном управлении плотинной и обеспечении безопасности для окружающей среды, а также о решении спорных вопросов путем консультаций. Переговоры по ключевым вопросам – объем воды в водохранилище и темпы заполнения – ведутся до сих пор. Так, в 2020 г. Каир назна-

чил срок заполнения плотины в 10–12 лет под контролем соседних стран. Эфиопия, в свою очередь, заявила о трехлетнем периоде. В ответ Египет написал письмо в Совет Безопасности ООН, в котором описывал опасность запуска ГЭС, ее негативное влияние на экологию и обеспечение продовольствием. СБ принял решение остаться в стороне от проблемы. Судан, продолжая принимать участие в переговорах, также сохранял нейтральную позицию, при этом [рекомендовал](#) прибегнуть к помощи посредников. В начале 2021 г. Египет и Эфиопия согласились на двусторонние переговоры с экспертами Африканского Союза (далее – АС) для выработки формата дальнейших переговоров, однако Судан [потребовал](#) поручить АС формулировку предложений по урегулированию ключевых вопросов. В марте Хартум и Каир призвали подключить к переговорам ЕС, США и ООН. Аддис-Абеба [настаивает](#) на посредничестве только АС.

Проект плотины Великого Эфиопского возрождения, казавшийся вопросом национальной безопасности Эфиопии, привлек внимание не только стран Нильского бассейна. Мировое сообщество в стремлении избежать очередного вооруженного конфликта на африканском континенте прикладывает все усилия для скорейшего разрешения споров. Однако оценка сторон различна. Например, бывший президент США Дональд Трамп оказывал поддержку Египту. Пытаясь ускорить переговорный процесс, Трамп сократил помощь Эфиопии, своему союзнику по борьбе с исламистами на Африканском Роге, на 100 млн долл. Кроме того, президент заявил, что Каир может «взорвать» ГЭС. В итоге Вашингтон только [обострил](#) напряженность между сторонами конфликта. Новый глава США, Джо Байден, наоборот, объявил о пересмотре политики в отношении «Хидасэ». Во-первых, финансовая поддержка Эфиопии будет восстановлена. Во-вторых, [взят курс](#) на организацию новых раундов переговоров. Россия и ЕС подчеркивают готовность стать посредниками в переговорах и помочь в достижении решения, которое устроит все стороны конфликта.

Итак, строительство плотины «Хидасэ» связано с рядом геополитических проблем. Во-первых, согласно цели проекта, Эфиопия может обеспечить электроэнергией не только себя, но и другие страны. Интерес к продукту уже проявили некоторые государства Нильского бассейна, включая Судан. То есть, благодаря запуску проекта, в регионе появится новый поставщик альтернативного источника энергии. Во-вторых, хотя Аддис-Абеба заявляет об отсутствии серьезных экологических последствий для соседних государств, Египет продолжает настаивать на пересмотре объемов заполнения плотины, ссылаясь на ущерб окружающей среде. Наконец, проект ГЭС показал, что уровень развития стран Нильского бассейна изменился по сравнению с XX веком. Встал вопрос об окончании египетской монополии на водные ресурсы. И если на сегодня данный процесс ограничивается заключением соглашения 2010 г., то полноценный запуск «Хидасэ» может подтолкнуть другие страны к более решительным действиям в отношении пересмотра условий использования Нила.

Контртеррористическая стратегия Франции как элемент коллективной безопасности: проблемы последних лет

Терроризм — это инструмент достижения политических целей тех, кто стоит за многочисленными смертями незащищенных людей: 13 936 человек [погибли](#) от рук террористов в 2019 г. Важной тенденцией современного терроризма является использование террористическими группировками передовых информационных технологий, в частности, рекрутирования молодежи в Интернете и социальных сетях, на онлайн-платформах популярных видеоигр, превращая подростков в орудие уничтожения.

Основными инструментами противодействия терроризму во всех его проявлениях на уровне государства являются: предотвращение радикализации подверженных влиянию групп, сокращение влияния пропаганды террористических организаций на неокрепшие умы, сокращение каналов финансирования терроризма, защита граждан от возможных терактов. Пятая Республика неоднократно подвергалась террористическим атакам, вызывавшим общественный резонанс, поэтому правительство наиболее заинтересовано в предотвращении потенциальных угроз и решении проблемы терроризма на территории своего государства.

Французское правительство осуждает терроризм во всех его проявлениях, препятствует распространению финансирования террористических организаций в мире, активно сотрудничает с международными организациями. Одной из задач Франции в области борьбы с террористическими механизмами является стабилизация политической обстановки в государствах, подверженных атакам террористических организаций — Ирак, Сирия. Французское руководство считает, что ожесточенная борьба с террористическими организациями должна вестись в условиях соблюдения и

защиты неотъемлемых прав и свобод человека. Франция участвует в работе Контртеррористического комитета, контролирующего исполнение резолюции Совета Безопасности 1373, и поддерживает резолюции и документы, налагающие санкции на террористические организации (например, резолюцию 1526, направленную против «Аль-Каиды», и Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма, принятую в апреле 2002 г.).

Первые столкновения правительства с террористической деятельностью

Еще в 1960-х гг. Пятая Республика столкнулась с волной терактов со стороны алжирской оппозиции. 24 декабря 1994 г. четыре алжирских террориста из «Вооруженной исламской группы» захватили французский авиалайнер компании Air France с целью освобождения из тюрьмы двух террористов-заключенных. После захвата самолета они планировали направить авиалайнер на Эйфелеву башню. В результате все террористы были [ликвидированы](#).

Следующим знаковым событием стала атака на подземной станции «Сен-Мишель» в июле 1995 г. В результа-

те взрыва газового баллона с металлической стружкой внутри погибли восемь человек. В течение 1995 г. произошло еще несколько терактов: взрыв баллона в мусорной корзине у Триумфальной арки; взрыв бомбы на бульваре Решар-Ленуар; взрыв на станции «Мезон Бланш». Несмотря на то что число жертв и пострадавших во всех случаях не превышало трех десятков человек, частые теракты значительно повлияли на общественные настроения и на отношении правительства к данной проблеме. Ответственность за все случаи нападений на себя взяла «Вооруженная исламская группа» (Алжир).

В период президентства Николя Саркози (2007-2012 гг.) правительство Франции активно [поддержало](#) принятие специального «Антитеррористического пакета» от 1996 г., подразумевавшего усиление контроля за телефонными звонками и электронными письмами, а также лишение гражданства имамов, которые пропагандируют фундаментализм и насилие над личностью (в частности, нарушение прав женщин). Сам президент [предлагал](#) надеть на подозреваемых в террористической деятельности электронные браслеты, позволяющие контролировать передвижения человека внутри и за пределами государства.

Несмотря на предпринятые правительством меры, террористические нападения на граждан Пятой республики не прекратились: в марте 2012 г. в городах Тулуза и Монтобан произошло семь убийств (жертвами стали военнослужащие, а также учитель и ученики еврейской школы). В этот раз ответственность за нападения взяла на себя организация «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (ранее известная как «Салафитская группа проповеди и джихада»).

Charlie Hebdo: печально известный еженедельник

В период президентства Франсуа Олланда (май 2012 г. – май 2017 г.) во Франции был совершен наиболее известный теракт, спровоцировавший массовые протесты в западных государствах. Именно это событие стало символом столкновения секуляризма и религии. Еще в 2005-2006 гг. в датской газете Jyllands-Posten были впервые опубликованы сатирические карикатуры на пророка Мухаммеда, что незамедлительно вызвало возмущение мусульманского населения Европы. Спустя десять лет после первой публикации похожие карикатуры «украсили» обложки французского еженедельника. 7 января 2015 г. в Париже произошло нападение на редакцию еженедельника Charlie Hebdo, известного своими провокационными карикатурами на политических лидеров. В ходе нападения были расстреляны 12 сотрудников журнала. Террористы, причастные к нападению (братья Саид и Шериф Куаши, французы алжирского происхождения), были ликвидированы 9 января 2015 г. в ходе операции правоохранительных органов Франции. Ответственность за теракт взяла на себя запрещенная на территории РФ террористическая группировка «Исламское государство».

Сильнейшая волна террористических актов прокати-

лась по Франции в ноябре 2015 г. 13 ноября в 21:00 у стадиона «Стад де Франс» в Сен-Дени во время футбольного матча между сборными Франции и Германии произошло три взрыва, в результате которых погибло три человека. В тот же час произошли нападения на кафе и рестораны в Париже (в результате этих атак на разных улицах погибло 37 человек). Но наиболее шокирующей является атака террористов на концертный зал «Батаклан» во время концерта американской рок-группы «Eagles of Death Metal». Полторы тысячи человек оказались под контролем террористов, которые в дальнейшем открыли огонь по посетителям. В ходе штурма удалось ликвидировать нападавших. Число жертв стало рекордным для Франции – 89 человек. Ответственность за серию ноябрьских терактов взяла на себя запрещенная на территории РФ организация «Исламское государство».

Ноябрьские события привели к усилению полицейского контроля и введению режима ЧП на территории государства на три месяца. Были отменены все культурные и общественные мероприятия, усилен контроль на границах, а парижский Диснейленд впервые закрыл свои двери для посетителей на долгое время. Франсуа Олланд столкнулся с резким ростом поддержки правых партий, выступавших за контроль миграционных потоков, установление жестких требований и условий для мигрантов и осуждавших свободный прием беженцев из государств, страдающих от политического кризиса (Сирия, Ирак, Сомали).

Изменил ли ситуацию новый президент?

Несмотря на принятые правительством меры по ограничению миграционных потоков, менее масштабные теракты продолжали потрясать государство. В октябре 2017 г. уже новый президент Пятой Республики Эммануэль Макрон обнародовал закон [«Об усилении внутренней безопасности»](#). Основные положения этого закона значительно повлияли на дальнейшую антитеррористическую политику государства: во-первых, во Франции установлены периметры защиты во время крупных мероприятий (спортивных и культурных событий), а также обязательный обыск и осмотр сумок и личных вещей людей, посещающих подобные мероприятия; во-вторых, возможно закрытие религиозных мест, где поощряется или распространяется идея ненависти и дискриминации. Кроме того, административные органы имеют право осуществлять контроль за передвижением и активностью любого гражданина, представляющего по мнению этого органа опасность для общественной безопасности (контроль осуществляется через электронное наблюдение).

Принятие этого закона первоначально улучшило образ нового президента в глазах электората, находящегося в состоянии постоянной тревоги за свою безопасность из-за недавних террористических атак. Подобные ограничения личных свобод граждан в дальнейшем были восприняты скептически, так как количество терактов уменьшилось незначительно и такие события, как убийство на рождественской ярмарке в Страсбурге (11 дека-

бря 2018 г.) и взрыв бомбы в Лионе (24 мая 2019 г.), не были предотвращены даже при соблюдении всех мер безопасности. Таким образом, помимо отсутствия той самой коллективной безопасности, ради которой был введен новый закон, также изменилось и общественное отношение к борьбе с терроризмом на территории Пятой Республики. Возросла поддержка партии «Национальный фронт» (с 2018 г. – «Национальное объединение») во главе с Марин Ле Пен, выступающей против проводимой действующим президентом миграционной политики (в соответствии с программой партии от 2015 г. необходимо сократить количество иммигрантов до 10 тысяч в год и ужесточить критерии для предоставления гражданства).

Неэффективность антитеррористической политики Э. Макрона стала широко обсуждаться в 2020 г. после убийства школьного учителя Самюэля Пати 16 октября (18-летний радикальный исламист обезглавил учителя после того, как тот продемонстрировал печально известные карикатуры журнала *Charlie Hebdo*). Новость об этом событии вызвала осуждение со стороны мирового сообщества и привела к противоречивым результатам для президента Франции. Эммануэль Макрон, выступив с речью перед возмущенными гражданами страны, заверил население в том, что необходимо бороться с радикально-исламистскими настроениями в Пятой Республике. У граждан Франции и Германии, которые достаточно часто сталкиваются с проявлениями радикализма со стороны представителей мусульманского населения Европейского союза, подобное заявление вызвало активную поддержку, вполне предсказуемо возмутив вторую сторону. После эмоциональной речи действующего президента о необходимости «реформировать ислам» во Франции было совершено несколько нападений на французских граждан: 29 октября 21-летний выходец из Туниса убил трех человек в церкви Нотр-Дам в Ницце; в этот же день в Авиньоне было совершено нападение на французских полицейских, а в Саудовской Аравии мужчина напал на охранника французского консульства в городе Джидда.

Международная реакция на обострение террористической угрозы была неоднозначной: Урсула фон дер Ляйен осудила нападение в Ницце, поддержав президента Франции и выразив поддержку от лица Еврокомиссии. Лидеры Италии, Германии и Великобритании, Российской Федерации также выразили соболезнования семьям погибших в ходе атак граждан Франции. Саудовская Аравия, Египет, ОАЭ и Турция осудили жестокие убийства на территории Пятой Республики, однако призвали правительство Франции пересмотреть свою политику в отношении свободы выражения мнения и не разжигать ненависть к исламскому населению Европы.

Несмотря на сдержанную реакцию государственных лидеров, во многих странах прошли протесты против политики Эммануэля Макрона: в Москве прошла стихийная акция мусульман у стен французского посольства; во многих странах Ближнего Востока раз-

гневное население топтало французские флаги и бойкотировало французские товары на полках супермаркетов.

На данный момент остро стоит вопрос о положении мусульман во Франции: действия радикально настроенных исламистов породили рост исламофобии и предрассудков. Враждебное отношение в обществе может привести к непоправимым психологическим эффектам: ощущение исключенности из социальных процессов; отсутствие экономических перспектив вынуждает молодых людей как наиболее уязвимую часть населения вступать в террористические группировки, обещающие восстановление социальной справедливости. Подобное явление может спровоцировать еще большую волну террористических актов и привести к полному разъединению между гражданами Пятой республики.

Оценивая эффекты антитеррористической борьбы со стороны Франции, можно прийти к выводу, что стандартные методы правительства, направленные на ограничение свобод граждан во имя коллективной безопасности и усиление полицейского контроля, не привели к значительному улучшению ситуации. Для преодоления кризиса необходимо разработать всеобъемлющую концепцию, охватывающую все сферы жизни французского общества и способствовать разрешению психологических, культурных и политических противоречий между разными группами населения такого многогранного государства, как Франция.

Оксана Тымченко

Международные женские движения и феминизм сегодня: правда и вымысел Интервью Н.И. Пискуновой газете Non Paper

В последнее время все чаще обсуждаются проблемы гендерного равенства и прав женщин. Однако каковы истоки данной повестки? Журналист газеты Non Paper Голикова Анна поговорила с доцентом кафедры международной безопасности ФМП о политических аспектах этого вопроса — о международном женском движении, его перспективах и изменении роли женщины в современном обществе.

Анна: Что включает в себя понятие международного женского движения?

Н. И. Пискунова: Прежде всего, хотелось бы сказать о том, что понятие «международное женское движение» — это понятие современное. Оно практически не существовало в оформленном виде где-то до конца XIX в. Женское движение раньше состояло из отдельных выступлений активистов, философов. Если мы начнем искать, когда зародилось женское движение, то придется посмотреть очень далеко — в IV в. до н. э. — это работы Платона, который призывал к тому, что равенство прав должно распространяться на всех граждан — и на мужчин, и на женщин. Мы знаем, что в Древнем Риме уже были протесты женщин против того, что им запрещают иметь ценности, которые они могли бы продавать и передавать по наследству, что получает развитие в относительно развитой Европе в конце XIV – начале XV вв. Первый деятель — Кристина де Пизан, она написала несколько работ, посвященных тому, насколько женщина бесправна, почему ее не считают за человека, гражданина, почему она не может иметь свои финансы, не имеет права распоряжаться своим наследством. И известно,

что она и ее последовательницы писали свои труды и преподносили их в дар известным дамам дворянского происхождения. И таким образом появились зачатки этого движения.

Дальше оно продолжало развиваться в XV–XVI вв. в Италии. Писательница, исследовательница, философ госпожа Фонте и ее коллеги писали массовые письма в поддержку прав женщин, прежде всего, прав наследования имущества, права быть полноправным участником политического процесса в Венецианской Республике, разных экономических сюжетов, а также социальных. Потом это движение начинает становиться более массовым. Особенно активной была в середине и конце XVI в. Англия. Дальше — XVII–XVIII вв., уже ближе к движениям социального характера и ближе к падению Франции. Вы, конечно, знаете про госпожу Олимпию де Гуж, а на самом деле Марию Руз. И она была даже не столько автором каких-то новых работ по правам женщин; она, скорее, выступала больше на общей волне теории равного социального статуса для всех граждан будущей Французской Республики. И это была скорее идея свержения старой монархии, при которой

женщина оказывалась «недостаточно гражданином».

Далее нужно смотреть на Германию, Италию и даже больше Великобританию. Именно середина XIX в. и весь последующий XIX в. — это время подъема более институционализированных женских движений — сначала в женских клубах, а потом начинают появляться женские партии, потом женские манифесты. Дальше движение начинает активизироваться в США: там происходят массовые протесты, манифестации женщин, появляется женская партия. И, естественно, рубеж XIX–XX вв. — это время, когда по всему развитому миру появляются протестные движения, происходит оформление этих движений, а в Великобритании они начинают активную деятельность по подаче петиций в британский парламент. В США движение было более активным, так как там другая социальная структура, иерархия, относительно более свободное общество. Движение шло примерно в те же времена, что и британское, и оно стало активизироваться к 1948–1949 гг.. Интересна была деятельность Элеоноры Рузвельт. Она была активным деятелем, выступавшим в поддержку равенства прав. И здесь оформление движения происходит с акцентом не столько на права женщин, сколько на права всех людей, и больше даже был актуален вопрос про расовое равенство — то есть если предоставляются права гражданам, то почему они предоставляются в ограниченном формате.

Теперь опять перенесемся в Европу: уже очень институционализированные, политизированные, сильные массовые движения в поддержку прав женщин насчитывают целых три волны. Первая волна начинается с движений 1950-х – конца 1960-х гг.. И в 1970-е гг. происходит их активизация. А следующая волна — это уже 1980-е – 1990-е гг.: тогда принимается большая часть документов, которые сейчас регулируют, например, деятельность различных компаний, которые должны прописывать в своих контрактах, что у них оценивается именно резюме, а не факт принадлежности к какому-то полу или расе, религии. И последняя волна, или, как сейчас говорят, третья волна или откат к четвертой волне — это уже современный этап. Это движение не за избирательные права, не за равные экономические права, а больше за социальный статус. Сейчас у четвертой волны стоит задача, во-первых, распространения этих практик на весь мир. Классический пример: буквально несколько лет назад гражданки Саудовской Аравии получили возможность получать водительские права — то есть до XXI века у женщин Саудовской Аравии такого права не было. И такие ситуации как раз показывают нам то, что до сих пор масштаб женского движения важен. И четвертая волна — это больше про борьбу с религиозными, социальными предрассудками, которые не дают возможность женщине интегрироваться в нормальную социально-экономическую жизнь общества, занимать определенные позиции в бизнесе, политике.

Анна: Как международные женские движения и феминизм соотносятся друг с другом? Это про одно и то же, или есть какие-то существенные различия?

Н. И. Пискунова: Здесь, кстати, два в одном получается. Есть политическая компонента, есть философская компонента. Феминизм имеет философскую подоплеку. Международные женские движения — это движения политические. Я думаю, что политические сюжеты к феминизму имеют очень опосредованное отношение. Феминизм на самом деле разный. Есть три разных вида феминизма именно как философского движения, как понятия, которое необязательно может быть политизировано. Первый вид — классический феминизм (либеральный феминизм) — рассматривает имущественные и избирательные права, то есть в основном политические сюжеты (возможности занимать посты, идти в политические структуры, не быть ограниченной в том, чтобы иметь право избираться, иметь право голосовать). Радикальный феминизм говорит о том, что нужно использовать радикальные методы борьбы за то, что предполагает либеральный феминизм — допустим, недопущение более снисходительного отношения к себе.

И третий вид феминизма — культурный феминизм. Он связан с борьбой с предрассудками в обществе, с социально приемлемой нормой для женщин — то есть имеет ли право женщина работать, например, на военной службе? В скандинавских странах, например, это допустимо, а в России это, может быть, даже вызовет резонанс в обществе, и это связано с тем, что присутствует еще патриархальное звено. Также большую роль играет религия. И легче оказывается в этом плане тем странам, у которых общество более секулярное. Я бы разделила политические движения и женское движение, то есть философию и политику.

Анна: Распространено мнение, что любые изменения, расширения прав, возможностей — это именно исторический момент, а не достижения женщин. Как вы считаете, какая точка зрения все-таки имеет место?

Н. И. Пискунова: Я бы сказала, что здесь не нужно смешивать политические сюжеты и философские, которых может быть множество. Могут быть ярые, радикальные феминистки, с которыми либеральные феминистки взаимодействовать не смогут, поскольку они считают, что не нужно себя обособлять по гендерному признаку, нужно идти в соответствии с общей идеей прав человека. Конечно, эта идея подразумевает и отсутствие дискриминации по расовому, гендерному, религиозному, этническому признакам. Другой вопрос в том, что очень сложно преодолеть «стеклянный потолок», и невозможно сказать, что вот это — нарушение прав человека. Это такая невидимая серая, даже черная зона. Его сейчас, собственно, и пытается пробивать относительно мягкая форма культурного феминизма. ООН всегда подчеркивала важность гендерного равенства в списке «Целей Ты-

счелетия». Я бы сказала, что бояться феминизма не нужно, нужно работать именно с классической версией. Я больше за общую идею прав человека, и если она выражается в женском движении — почему нет?

Анна: Развитие, как мы представляем, видится линейным, и нам сложно понять, что бывают какие-то откаты назад. И сейчас такие примеры, как Саудовская Аравия, подтверждают, что у женщин все больше прав, но при этом мы видим довольно резонансную ситуацию в Польше. Несмотря на протесты, закон об абортах был принят. Как вы думаете, с чем связано решение правительства, и означает ли это, что права женщин в этой стране будут дальше ограничиваться?

Н. И. Пискунова: С одной стороны, легко рассматривать любую идею, любой этап развития линейно. С другой стороны, на самом деле все это не так легко происходило. История циклична. Сначала происходит всплеск, потом опять откат. Это есть, мы просто этого не замечаем.

Речь идет именно о том, чтобы уровень правового признания был одинаковым. Если речь идет о Восточной Европе, это было удивительно, ведь Польша — государство Европейского союза, разделяющее европейские ценности. И вдруг откат чуть ли не к средневековым практикам. Здесь надо посмотреть на то, какое лобби продавало такой закон. Если мы начинаем отвечать на такие вопросы, мы, конечно, сразу видим, что акцент больше на религию, где действительно есть запрет на убийство нерожденного человека. (Поперек всей современной медицины, всех идей, всех ее достижений — это есть). К сожалению, идея плохая, потому что очень часто аборт бывает по медицинским показаниям. Женщина имеет право не хотеть ухаживать за ребенком-инвалидом. Для многих это может прозвучать страшно, разрушение

скреп и все прочее, но женщина имеет на это право. Если же мы возьмем Ближний Восток — я бы сказала, что здесь не было линейного развития, здесь очень долго женщины боролись за свои права и получили минимальный набор прав, который связан уже не столько с религиозными сюжетами, сколько с политическими. То есть для того, чтобы вести переговоры и считаться равным партнером с демократическим государством, необходимо показывать, что ты разделяешь их ценности.

Что касается перспектив, то если мы говорим о странах Ближнего Востока, то здесь ситуация очень нестабильная, потому что все зависит от персоналий. Если мы говорим про Европу, то я бы посмотрела на роль Европейского союза. Насколько мы знаем, условием для вступления в Европейский союз и участия в его дальнейшей политической деятельности является разделение общеевропейских идей, прав и ценностей. То есть, если вы не разделяете эти базовые ценности, то как вы тут находитесь — возникает вопрос для Польши. Поэтому я думаю, что этот закон может еще переиграться.

Анна: Сейчас мы наблюдаем разные процессы в разных частях мира. Но при этом есть цели устойчивого развития и, особенно актуальная сейчас пятая цель — гендерное равенство. Возможно ли, что ООН станет центром объединения всех международных женских движений?

Н. И. Пискунова: На самом деле все женские движения все равно делают «реверанс» в пользу ООН, это некая центровая структура, которая помогает им институционализироваться. Мне бы хотелось верить, что ООН будет оставаться таким центром. Не совсем понятно, что будет происходить после пандемии, потому что приоритеты были очень сильно изменены и размыты. Потому что на первый план вышли за-

дачи биологического спасения человечества от вируса, ведь не понятно, как он воздействует в том числе на репродуктивное здоровье. Интересный момент — все основные резолюции, постулаты, на которые ссылаются женские движения — это документы ООН. Насколько они могут активизировать свое лидерство — вопрос открытый.

Анна: Хотелось бы поговорить чуть больше про Россию в контексте развития международных женских движений. Многие связывают развитие и распространение социалистических идей с равенством. Это повлияло как-то на женское движение во всем мире?

Н. И. Пискунова: Здесь нужно смотреть немного шире, поскольку социалистическая идея пришла из Германии. Я бы сказала, что в самом начале революционного подъема необходимо было увеличить «рекрутинг» членов партии. Политический расклад был очень простым — необходимо было дать женщинам права, для того чтобы увеличить количество членов своей партии, соответственно, усилить ее воздействие. Повлияло ли это на развитие женских движений в мире? Да, потому что была идея экспорта социализма и его идей. Пакеты помощи из СССР в другие страны шли под лозунгами равенства всех слоев населения. Права женщины воспринимались составной частью равенства всех слоев населения. Вопрос в том, что после распада СССР эти движения никуда не делись. Это именно та компонента, которая прижилась, поскольку многим государствам оказалось выгоднее иметь больше равных работников, которым выплачивают заработную плату и к которым есть определенные требования. Но идея женских прав в общем продавалась и через те самые «пакеты помощи».

Анна: А эта идея как-то вступает в противоречие с политикой, которую пытаются проводить государства?

Н. И. Пискунова: Тут надо страновые кейсы смотреть. Где-то можно будет найти такую проблематику притеснения прав женщин, но эта проблема не настолько ярка сейчас. Сейчас эти движения если идут, то идут по большей части через профсоюзы и через экономические сюжеты — то есть равенство зарплат, равенство продвижения по службе и прочее, кроме экстремальных сюжетов, как в Йемене и Саудовской Аравии.

Анна: Как Вы думаете, в ответ на ужесточение политики, какие перспективы у международного женского движения, возможна ли его радикализация, и что будет происходить дальше?

Н. И. Пискунова: Поскольку современное феминистское движение очень институционализировано, оно проходит либо в виде профсоюзов, либо через партии, либо через ООН, либо через другие структуры. Поэтому оно уже не будет стихийным. Поэтому я думаю, что расширение движения будет, но

оно будет более плавное и цивилизованное и будет осуществляться через политические партии, через обсуждения в обществе, через работу с правительствами.

Благодарим Наталью Игоревну за такое интересное интервью!

Текстовую версию мы сильно сократили, поэтому обязательно посмотрите полную видеозапись на нашем Youtube-канале.

Интервьюер: **Анна Голикова**

Гость: **доцент, кандидат политических наук**

Пискунова Наталья Игоревна

Подготовка интервью: **Анастасия Пушкарева, Гюлшан Джавадова**

Расшифровка: **Ангелина Смирнова, Даниил Юринский, Дарья Митрофанова, Никита Немец**

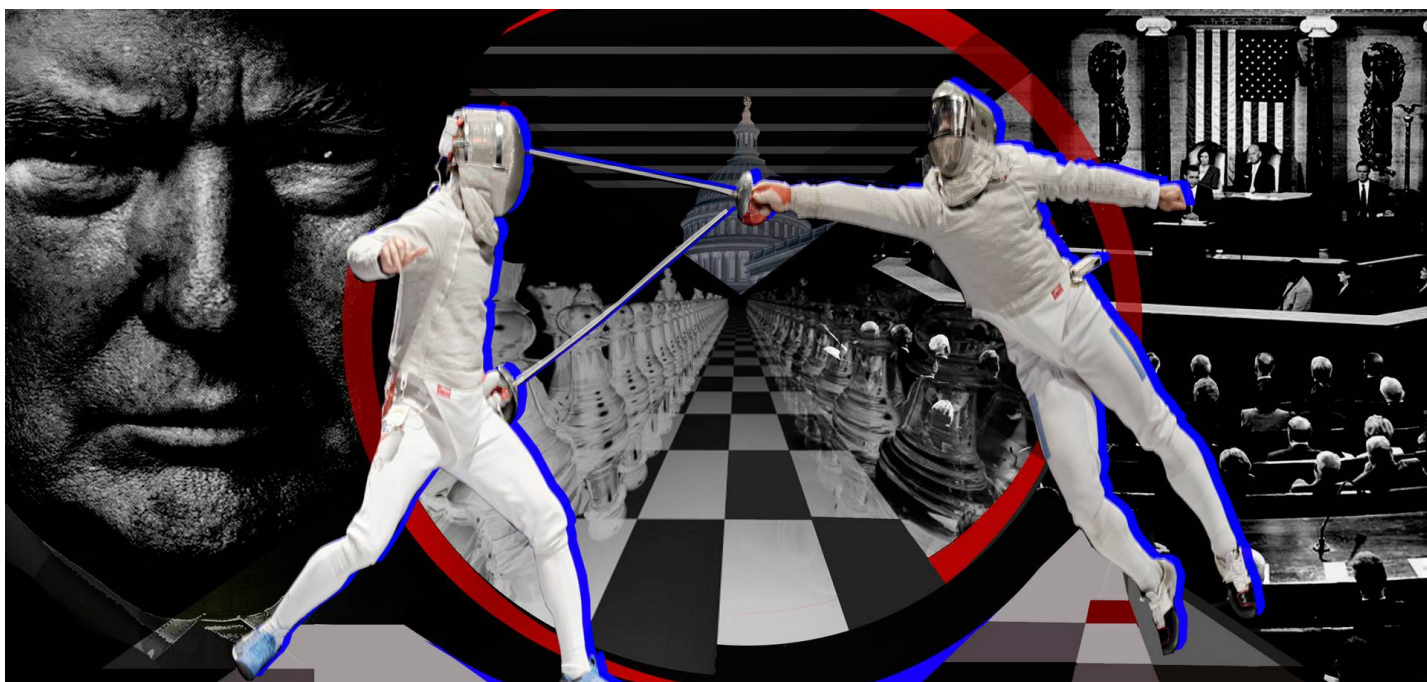
Съемка: **Павел Дегтярев, Владислав Кутузов**

Монтаж: **Павел Дегтярев**

Под редакцией **Пискуновой Н. И.**

Полная видеозапись беседы, как обычно, доступна на нашем YouTube-канале.

Имперский либерализм. Идея свободы превратилась в свою противоположность

Продолжающийся политический кризис в США уже породил волну комментариев о кризисе либеральной идеологии. Дело не только в пресловутом штурме Капитолия 6 января и последующих беспрецедентных мерах безопасности при инаугурации Джозефа Байдена, включая блокировки аккаунтов Дональда Трампа и его сторонников в социальных сетях. Проблема глубже. Если раньше Соединенные Штаты позиционировали себя как «страну свободы», то теперь они предстали в глазах мира как страна жестких ограничений.

Идеология политкорректности, утверждающаяся в современных США, стала отрицать классические либеральные свободы: слова, собраний, печати и совести. Если человек не имеет права сказать что-то резкое о меньшинствах, то это не свобода слова. Если существует позитивная дискриминация, то это не всеобщее равенство граждан перед законом, а нечто похожее на классовые привилегии. Если мужчина опасается не так посмотреть на женщину из страха перед обвинением в харрасменте, то налицо нечто похожее на сословные ограничения. Сожжение феминистками и «черными активистами» книг Киплинга или Марка Твена напоминает костры XV в., на которых флорентийский монах Савонарола велел сжигать произведения искусства Ренессанса.

Преображение либерализма в свою противоположность до сих пор не получило должного осмысления. А между тем оно заслуживает внимания. Возможно, в современном либерализме заложен идейный потенциал, который постепенно превращает его в авторитарную идеологию.

Либерализм появился в XVIII в. как идеология, постулирующая наличие у личности некоего набора неотчуждаемых свобод. После европейских революций 1848 г. этот набор прав превратился в «классическую

четверку»: свобода слова, печати, собраний и совести. Дальнейшая история классического либерализма шла по двум направлениям. Первое: распространение стандарта либеральных свобод на все категории населения, вершиной чего стало введение всеобщего избирательного права. Второе: согласие либералов на появление социальной системы перераспределения доходов, хотя это противоречило их базовой идее «минимального государства».

И все же то был либерализм национального государства. Подобная либеральная идеология теоретически могла быть реализована в любой стране, оставляя его в прежнем качестве. В середине XX в. внутри либерализма стала набирать силу новая идеология «открытого общества», которая постулировала необходимость слома общественных табу и принятия решений на основе критического мышления. «Открытое общество» сделало упор на социокультурных правах, требуя ликвидировать большинство общественных табу. В центр были поставлены свободы от традиционных общественных норм, классической культуры, ограничений всевозможных расовых и сексуальных меньшинств и даже от самого государства: ведь идеология «открытого общества» постулирует отказ от таких понятий, как «Родина» и «патриотизм». Теоретик «открытого общества» Карл Поппер даже постулировал отказ от исто-

рии: не следует пытаться выводить ее законы, а нужно заниматься социальной инженерией, то есть строить новое общество с чистого листа.

Но концепция «открытого общества» – это имперская идея, которая может быть реализована только в рамках имперского образования с механизмами насилия и подавления сопротивления. Вовсе не случайно, что американские демократы изобрели концепцию «глобальной демократической империи», а республиканцы всегда любили сравнивать США с Римской империей. Построение «открытого общества» требует территориальной базы: некоего государства или группы государств, где подобные идеи будут реализовываться и откуда они будут распространяться на другие страны. Такая база должна обладать мощными финансовыми и военными ресурсами, чтобы иметь возможность принуждать другие государства переходить на ценности «открытого общества». Но в перспективе должно произойти перемалывание традиционной культуры и ядра «демократической империи» с ее заменой неким универсальным стандартом.

«Демократическая империя» – империя транснациональная. Она не похожа на империи Нового времени вроде Российской или Британской. Гораздо больше она напоминает империи Средних веков, вроде Анжуйской или Священной Римской. Они не опирались на какой-то конкретный народ и ставили в центр сословные, а не национальные ценности. Английский барон был ближе к французскому барону, чем к своим крестьянам; английская знать времен Ричарда Львиное Сердце не считала себя ни англичанами, ни французами, ни франками, ни викингами. Это было что-то за пределами нашего национального сознания, где идентичность строилась на сословных и религиозных ценностях.

Соединенные Штаты волею судьбы оказались центром «демократической империи». Эта концепция оказалась весьма привлекательной для транснациональной финансовой элиты, базирующейся в Америке. Но оказалось, что «открытое общество» отнюдь не означает тотальной американизации как культура традиционной американской истории и культуры. «Городской маргинал», главная опора «открытого общества», не равняется на имена Эндрю Джексона или Теодора Рузвельта: в лучшем случае он едва слышал про них. 2020 г. доказал, что расовые движения готовы сносить во имя «открытого общества» памятники американской истории, как и любой другой. США как национальное государство должны быть переплавлены в «новую империю», как и все остальные.

Вот почему с начала 1990-х гг. в США стало нарастать идейное размежевание между республиканцами и демократами. В центре споров оказались такие ключевые вопросы, как аборт, нелегальная иммиграция или программы поддержки «небелого» населения. Представители обеих партий могли совместно осуждать внешнюю политику Ирана или требовать уве-

личения социальных расходов. Однако они никогда не подадут друг другу руки после спора о художественной выставке или правилах общественного приличия. Раскол дополнялся территориальным размежеванием США на два побережья, ставших опорой транснациональных элит, и внутреннюю Америку, страдающую от уничтожения былой промышленной инфраструктуры.

Но любая империя требует определенного насилия. «Демократическая», перемалывающая культуры во имя «открытого общества», намного большего, чем прежние империи национальные. Ведь у нее нет, да и не может быть, компромиссов с национальными государствами. Поэтому современный либерализм все больше приобретает репрессивные функции, отрицая те свободы, за утверждение которых он когда-то боролся.

Алексей Валериевич Фененко,
Д.полит.н, доцент факультета
мировой политики МГУ имени
М.В. Ломоносова, эксперт РСМД

Рейтинг «мягкой силы» в мировой политике

Интервью Н.В. Юдина газете Non Paper

В этом году консалтинговая компания Brand Finance опубликовала рейтинг «мягкой силы» под названием Global Power Index 2021, в рамках которого было проведено исследование восприятия национальных брендов. В соответствии с его результатами Россия потеряла три позиции и переместилась на 13 место. Журналист нашей газеты Николай Марченко поговорил с кандидатом исторических наук, доцентом кафедры международных организаций и мировых политических процессов Николаем Вадимовичем Юдиным об объективности Global Power Index 2021, национальном бренде и методах его укрепления, а также о перспективах «мягкой силы» России.

Николай: О «мягкой силе» слышал каждый, однако что такое рейтинг «мягкой силы»? И как именно он измеряется?

Н. В. Юдин: Рейтинги «мягкой силы», которые существуют сейчас в России, на Западе не имеют никакого отношения к «мягкой силе», и рассматривать их как репрезентативный показательный источник фактора «мягкой силы» — бессмысленно. Они про другое. Это только название.

Николай: Собственно, в отчете было сказано про национальный брендинг страны. Считают, что национальный бренд Индии — культурное разнообразие. Австралию относят к местам, обязательным для посещения. А вот какой национальный бренд у нашей страны? Чем Россия привлекательна?

Н. В. Юдин: Вопрос хороший, и отчасти уже в нем содержится некий ответ, потому что наша беседа с вами приурочена к выходу нового достаточно авторитетного рейтинга Brand Finance. Этот рейтинг вышел буквально в марте и получил достаточно широкий резонанс в средствах массовой информации. Россия потеряла три позиции, спустилась с десятого места на тринадцатое. Кто-то радовался за Новую Зеландию, которая подня-

лась, кто-то злорадствовал по поводу провала Соединенных Штатов. Индекс национальных брендов — название очень говорящее, потому что сама методология расчета этого индекса — из сферы маркетинга. То есть именно вычисление, измерение, оценка брендов компании. Отсюда возникла идея, что «а вот давайте-ка мы сейчас методологию, которая работает в коммерческой сфере, экстраполируем на сферу международных отношений. Здесь же работает, какие-то данные нам даются, давайте попробуем измерить бренд стран». Сама по себе идея крайне спорная. Есть ли у страны бренд? С одной стороны, наверное, да. Мы живем с вами в капиталистическом мире, все продается и покупается, а значит все должно быть подчинено законам рынка. Раз у компании есть бренд, логично предположить, что бренд есть и у стран. Но имеет ли бренд хоть какое-то отношение к «мягкой силе»? Сами авторы говорят о том, что «мягкая сила» — способность субъекта изменить поведение объекта. Оценка бренда — это оценка общей, достаточно абстрактной привлекательности страны. И, допустим, применяя технологии маркетинга, можем что-то измерять, но это будет некий усредненный показатель привлекательности страны. Это не имеет ничего общего с тем, чтобы оказать воздействие на кого-то, заставив, тем более, этого кого-то изменить свое поведение, поэтому здесь пропасть меж-

ду брендом и «мягкой силой». Бренд не имеет никакого отношения, по крайней мере прямого, к «мягкой силе».

Если мы говорим сугубо о бренде, существуют разные подходы для укрепления бренда и популяризации образа России. В журнале «Вестник Московского университета. Серия 25» буквально в первом номере за 2021 г. выходит статья С. П. Артеева, эксперта ИМЭМО РАН, в которой высказывается такое предположение: «Всем известно, Россия — страна многонациональная, многокультурная. Вот, давайте это сделаем нашей фишкой, давайте используем потенциал разных наших культур, народов, покажем, как они уживаются благополучно в рамках нашей страны, и вот этот образ транслируем всему мировому сообществу. И под это дело используем потенциал наших регионов, недоиспользованный сейчас». То есть мы можем сделать ставку на культурное разнообразие нашей страны. Наверное, по-своему правильно, можно это сделать, условно, фишкой России, но вопрос спорный, и он здесь снова, наверное, выводит к тому, с чего я начал: бренд — это не «мягкая сила», и на одном культурном разнообразии далеко не уедешь.

Николай: Вы упомянули, что Россия переместилась с десятого места на тринадцатое. Как Вы считаете, с чем это связано?

Н. В. Юдин: Действительно, Россия опустилась в этом рейтинге на три позиции. Это не значит ровным счетом ничего. Возвращаясь к моему ключевому тезису, это не имеет никакого отношения к показателю «мягкой силы». «Мягкая сила» России пребывает где-то там, и все у нее хорошо. Речь про этот рейтинг, и именно с этой точки зрения надо отвечать на ваш вопрос. Потому что, прежде чем рассуждать и оценивать сам факт снижения, нужно провести источниковедческую критику. Где это зафиксировано? Это зафиксировано в конкретном рейтинге Brand Finance. Надо посмотреть, кто составляет этот рейтинг. Он составляется британскими экспертами. И это накладывает большой отпечаток на содержание рейтинга. Рейтинг откровенно предвзятый. Достаточно открыть предисловие, где видно насколько они ангажированы. Они так хорошо расписывают возможности своего нового британского правительства, такое оно квалифицированное, все у него схвачено, и брекзит нам нипочем, и все будет хорошо. То есть уже это говорит нам о том, что все описанные трансформации с позициями страны по показателю «мягкой силы» происходят не в мировой политике, а в головах экспертов, которые нам об этом рассказывают. Как они это оценивают? Это еще один огромный, очень интересный вопрос. Вот откроем этот рейтинг и посмотрим, из чего складывается показатель «мягкой силы» того или иного государства. Две составляющие — это, условно, в огромных жирных кавычках, объективные данные и данные откровенно субъективные, которые даже не претендуют на объективность, о чем нам авторы и говорят. Авторы рейтинга 2021 г., хвалятся, что у них очень репрезентативная выборка, 75 тыс. человек они опросили, и плюс еще отдельно около сотни экспертов, может даже несколько сотен экспертов. Эксперты —

политологи, академики, маркетологи, иными словами, люди, облеченные некоторыми специфическими знаниями. Казалось бы, 75 тыс. — показатель хороший. Но для по-настоящему репрезентативной выборки еще далековато. Тем более, эти 75 тыс. разбросаны по всему земному шару. То есть, спросили 500 человек где-нибудь в Германии, 1000 человек в России, и вот так набегает. Это минимум, выборка крайне не показательна. Поэтому их мнение вызывает сомнение. Кого спрашивали, по какому принципу выбирали экспертов — это все поле для манипуляций. Поэтому эти данные мы на веру не принимаем. Авторы рейтинга ссылаются на некие объективные данные ООН, ОЭСР, Transparency International. Получается, рейтинг «мягкой силы» опирается на другие рейтинги, и это преподносится как использование объективных, проверенных, твердых данных. Наверное, это отвечает существующей традиции международно-политических исследований. Но то, что традиция существует, не означает, что мы должны ей верить. Если мы копнем чуть-чуть глубже, мы увидим, что все эти якобы объективные данные на самом деле сами являются плодом таких же социологических опросов, или опросов экспертов. То есть они сами когда-то были основаны на субъективных данных, только потом были облечены в форму доклада, и теперь преподносятся как данные объективные. В итоге большая часть статистических, документальных данных, данных опросов, на которых основывается этот рейтинг, являются крайне сомнительными. То есть уже это отчасти может объяснять динамику позиции той или иной страны в этом рейтинге. Не будем забывать, что потом все эти данные кем-то суммируются и интерпретируются, и вот здесь уже в полный рост встает главная проблема, что рейтинг не является никаким образом объективным источником информации. Это точно такой же политический инструмент, в данном случае, инструмент политической конкуренции. И за изменением позиции России или США в этом рейтинге скрываются не некие объективные трансформации в мировой политике, а желания и политические цели составителей рейтинга. Им важно послать сигнал, например, американским элитам, что «вот смотрите, нам не понравилось, как вели себя Соединенные Штаты при Трампе, и вот мы вам на это указываем». В случае с Россией то же самое. Обострение международной конкуренции становится импульсом для тенденциозной переоценки позиции России по показателям «мягкой силы». Отношения России и Великобритании сейчас, мягко говоря, плохие. Странно было бы ожидать, что составители рейтинга как-то позитивно оценят, например, наш вклад в борьбу с пандемией. Они его и не оценивают.

Николай: Кстати, о борьбе с пандемией. Продолжая разговор про Россию, стоит все же отметить нашу вакцину Спутник V. Как этот технологический прорыв поможет России, если поможет, поднять рейтинг?

Н. В. Юдин: Никак. Потому что мы можем посмотреть на содержание этого доклада Brand Finance. Там ни слова не сказано про российскую вакцину. Может быть, только одно слово. Зато сказано про вакцину Pfizer, которая преподносится как очевидный, весомый успех

американской науки. Посыл в том, что Трамп был плохой, но остались еще, например, нормальные ученые американские, и в плане науки и технологии США еще впереди планеты всей. Про успехи российской вакцины там не сказано ни слова. Про то, что Россия на фоне стран Евросоюза вполне успешно справляется с пандемией, там не сказано вообще. Лидером по борьбе с пандемией и ее последствиями, по мнению составителей рейтинга, является Германия, что, на самом деле, несколько странно, если мы посмотрим отзывы самих немецких граждан, как они оценивают действия Меркель и ее кабинета. Мягко скажем, оценки разнятся, скепсис преобладает.

И к чему мы приходим? Не так важно, что ты делаешь, важно, как ты можешь или не можешь об этом рассказать, захотят тебя услышать или не захотят. И здесь мы видим, что есть объективная данность, у России есть хорошая, рабочая вакцина. Но эта вакцина не может сейчас превратиться в средство, в инструмент некоего укрепления международного имиджа России, потому что ей просто не дают таковой стать.

Николай: По поводу США Вы сказали, что эксперты тоже влияют на составление этого рейтинга, и при Трампе они специально показали, что США опустились на шесть позиций. Однако повысится ли рейтинг после прихода Байдена, и как именно он сможет это сделать? Или ему ничего не надо делать, за него и так все сделают?

Н. В. Юдин: Вполне вероятно, что ему и делать ничего не надо будет. Вспомним ужасного и всем неприятного Джорджа Буша-младшего, которого европейские страны ругали за его склонность к односторонним политическим акциям. Позиция европейских стран находила отражение в тех же рейтингах «мягкой силы». Приходит администрация Обамы, он еще ничего не сделал, но ему уже торопятся дать Нобелевскую премию мира. Уже один факт его победы с огромнейшим энтузиазмом воспринимается во всей Западной Европе. Что сейчас? Был ужасный, плохой Трамп. Смотрите, мы вам посылаем сигнал: с таким президентом мы общаться не хотим, и ваша «мягкая сила» сразу же ползет вниз. И это, с одной стороны, показатель недовольства Трампом. А с другой, это сигнал новой американской администрации — не будьте такими, и мы сразу жеотреагируем. Да, справиться бы поскорее с тяжелым наследством Трампа, забыть про него, как страшный сон. И тогда точно в скором времени США снова поползут вверх в этом рейтинге, даже делать особо ничего не надо.

Николай: На открытии нового сезона НСО президент нашего факультета Л. Э. Слуцкий в своей лекции отметил, что позиция России на постсоветском пространстве ослабляется. В пример привел тот факт, что в Казахстане закрываются российские школы, открываются американские, турецкие. В качестве решения проблемы он предложил наращивать потенциал России. Но насколько это возможно, учитывая, что Запад столетиями прививал России имидж страны-злодея?

Н. В. Юдин: Образ России как страны-злодея, или, говоря более научно — такой образ значимого иного — сформировался, прежде всего, на Западе. Россия является таким значимым иным для Западной Европы на протяжении столетий. Ивана Грозного поливали грязью, что «вот тиран, деспот, всех на кол сажает». Потом была, прямо скажем, неоднозначная реакция на Петра I, который прорубил «окно в Европу». Потом знамя русофобии перехватили французы, и на протяжении большей части XIX в. именно Франция была главным локомотивом разжигания русофобских страстей в Европе. Потом «холодная война». Все эти пропагандистские усилия, наверное, так или иначе, долетали до Центральной Азии. Но там они не имели таких последствий. В последние десятилетия после распада Советского Союза, конечно, эта деятельность качественно усилилась. Но дело не в ней, это лишь один из факторов, и далеко не главный. Не из-за этого ослабевают позиции России на постсоветском пространстве. Позиции русского языка слабеют: его присутствие в Прибалтике, на Украине и, вы совершенно правильно отметили, в Казахстане сокращается. Леонид Эдуардович правильно сказал, что нельзя оставаться безучастным к этим процессам, надо отвечать на снижение роли русского языка. Они пытаются школы закрывать. Нужно их открывать, открывать филиалы МГУ. МГУ действительно во многом является проводником «мягкой силы» России в этом регионе. Но это лишь полумера, потому что это — борьба с симптомами. А причина кроется в объективном ослаблении экономических связей, экономического присутствия России в этих странах. Да, можно сколько угодно говорить о том, что русский язык великий, могучий, прекрасный. Это все так, но к политике это не имеет отношения. В политике, в экономике язык — это инструмент укрепления отношений, углубления интеграционных процессов. И чтобы позиции русского языка, культуры укреплялись на постсоветском пространстве, начинать надо не со школ, а с поиска новой модели экономического взаимодействия, которая могла бы вдохнуть новую жизнь в интеграционные процессы. Только так, а язык уже приложится.

Благодарим Николая Вадимовича за интервью!

Текстовую версию мы сильно сократили, поэтому обязательно посмотрите полную видеозапись на нашем Youtube-канале.

Интервьюер: **Николай Марченко**
 Guest: **кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора ЦПБР по исследованиям и разработкам Николай Вадимович Юдин**

Подготовка интервью: **Анастасия Пушкарева, Гюлшан Джавадова**
 Расшифровка: **Александра Волина, Анастасия Селезнева, Юлия Хихленко**
 Съемка: **Александр Забара**
 Монтаж: **Павел Дегтярев**

Спортивная дипломатия VS спортивные международные отношения: концептуальный анализ

26 декабря 2020 г. на факультете мировой политики МГУ в режиме онлайн прошел круглый стол на тему «Спортивная дипломатия в международных отношениях». В рамках круглого стола серьезной критике подверглась сама концепция спортивной дипломатии. «Non Parer» предлагает свой вариант модификации понятия спортивной дипломатии в этой статье.

Мы все исчадия наук.
А. Введенский

Ведь крепостная башня иль корабль –
Ничто, когда защитники бежали.
Софокл

Дипломатия – «официальная деятельность... специальных органов внешних сношений по представительству государства во внешних сношениях...» [Публичная дипломатия](#) – процесс, посредством которого субъекты международных отношений достигают внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранную общественность. [Спортивная дипломатия](#) – это деятельность правительственных и негосударственных структур в рамках реализации внешнеполитического курса государства путем организации, проведения международных спортивных мероприятий и участия в них.

Исходя из круга определений, спортивная дипломатия как концепт весьма ограничена – она замыкается преимущественно на организации спортивных событий. Определение спортивной дипломатии четко дает понять, что категория участия в спортивных мероприятиях также относится к государствам. Но что делает

государство, если не будет, собственно, спортсменов? Спорт обладает большой притягательной силой для зрителей. Человеку присуще переживать за других людей, не правда ли? Спорт может похвастаться, в отличие от остального визуального контента, неподдельностью (вряд ли можно пробежать стометровку или пробить по воротам под фонограмму) и достаточно простой логикой (бинарность: выигрыш – проигрыш). Гражданство спортсмена делает международные соревнования ареной борьбы национальных интересов, вследствие этого ученые говорят о спорте как об инструменте мягкой силы. Чем успешнее спортсмены на соревнованиях, тем выше престиж страны. Разве не для этого придуман медальный зачет?

Дипломатия в классическом понимании – обмен посланиями, полноценная коммуникация. Публичная дипломатия – одноканальный поток информации, односторонняя коммуникация. Спортивные эфиры, орга-

низация спортивных мероприятий или, например, обустройство национальных домов на Олимпиадах – того же рода коммуникация. Но состоялась ли бы коммуникация без самого спорта? Нет; эфиры, мероприятия и дома – вторичное по отношению к самому спорту.

О спорт, ты новая сфера международных отношений. Разве публичной дипломатией возможно покрыть символические взаимоотношения спортсменов на соревнованиях? Легче в «Аронов круг» из солдата и дипломата ввести спортсмена. Легче объявить о существовании особой спортивной плоскости международных отношений, чем распространять на нее достаточно узкий термин спортивной дипломатии. Международные отношения в области спорта, *sport international relations*, – вот название для нового явления в МО.

Традиционно война – основной вид международных отношений. Война обладает бинарной логикой: победа – поражение; это игра с нулевой суммой. Спорт с аналогичной логикой наследует войне как более гуманная ипостась «залипательной амбивалентности»; согласитесь, более интересно ждать сводки с чемпионатов мира, чем с мировых войн, причем первое менее волнительно, ибо напрямую не связано с вопросом жизни и смерти. Спортсмены (особенно в командных видах спорта) более походят на международных соревнований на армии. Этому антуражу способствует и милитаристский флер комментаторов: атака, взятие ворот, выстрел и прочее.

Отстранение национальных делегаций от спортивных соревнований из-за допинговых скандалов – спортивная ли дипломатия? Нет, это международные отношения в области спорта: здесь никто не обменивается посланиями, это система отношений с определенными правилами. Можно ли говорить о системности в спортивных международных отношениях? Отчасти: есть международные спортивные федерации, но они связаны между собой практически только обязанностью осуществления допингового контроля.

Антидопинг есть правило; пространство с правилами может быть системой (при наличии других функциональных связей между ее элементами).

Является ли спортивная сфера МО самостоятельной? Нет, государства могут бойкотировать международные соревнования (вспомним бойкот США Олимпиады-80 в Москве и бойкот СССР Олимпиады-84 в Лос-Анджелесе) по политическим мотивам. Впрочем, появление спортивных федераций у частично признанных государств (скажем, футбольная федерация Косово или олимпийские комитеты Тайваня, Гонконга, Макао) говорит об определенной самостоятельности спортивных МО. Фактор спорта имеет некоторый потенциал для нациестроительства (вклад в дихотомию «свои – чужие», например).

Понятие спортивных МО шире понятия спортивной дипломатии, они соотносятся как международные от-

ношения и публичная дипломатия. Спортивные МО являются частью МО: спортивные МО вбирают в себя те аспекты международных отношений, которые прямо или опосредованно связаны со спортом. Организация спортивных мероприятий является, к примеру, и явлением спортивной дипломатии, и явлением спортивных МО. В то же время сам финальный забег на 100 метров вряд ли является частью спортивной дипломатии; забег становится явлением спортивных международных отношений только тогда, когда спортсмены выступают за свои страны или свои национальные спортивные федерации. Не поэтому ли в честь победителя всегда играет гимн его страны и всегда поднимается флаг его страны?

Понятие спортивной дипломатии вторично по отношению к самим спортивным МО; этим можно объяснить скепсис научного сообщества к этому понятию. Понятие спортивных МО (или МО в сфере спорта) более подходит для объяснения существующих процессов в международной среде. Спортивная дипломатия делает спортсмена, как ни странно, дипломатом, а спортивные МО освобождают спортсмена, превращая его в самостоятельного актора.

Даниил Растегаев

Влияние пандемии коронавируса на мировой ТЭК

Пандемия коронавируса, развернувшаяся весной 2020 г., стала причиной мировой рецессии и резко изменила работу энергетической отрасли. За последний год как мировой, так и российский рынки энергоресурсов претерпели множество изменений. Именно поэтому далее мы рассмотрим, с какими же вызовами в устойчивом развитии и надежном функционировании отрасли страны сталкиваются сегодня и насколько ощутимыми будут последствия пандемии COVID-19 в ближайшие десятилетия.

Изменения в нефтяной отрасли оказались наиболее заметными на рынке энергоресурсов. Падение спроса на нефть при одновременном росте предложения привело к колоссальному дисбалансу, что вызвало рекордное снижение цен. Инструментом, призванным избежать дальнейшего затоваривания рынка, стало соглашение о сокращении добычи между участниками ОПЕК+ и странами, не входящими в коалицию в лице США, Канады, Бразилии. Именно вовремя предпринятые меры позволили уже в декабре 2020 г. вернуться к докризисному уровню цен. И хотя замедленное восстановление спроса на нефть на фоне новой волны коронавируса оказало давление на ценообразование, оно имело лишь краткосрочный эффект. Поэтому в ближайшее время можно говорить о положительной динамике в восстановлении энергетической отрасли и, возможно, даже о возвращении спроса на докризисный уровень если не в конце этого года, то в начале следующего.

Газовая отрасль пострадала в меньшей степени: можно говорить лишь о трех-пяти-процентном сокращении среднегодового мирового спроса на газ. Тем не менее последствия коронавируса в газовом секторе невозможно оценить однозначно из-за разного профиля и структуры потребления в различных странах и регионах. Так, на азиатском рынке большая часть

потребляемого газа приходится на промышленность, в то время как на европейском – на тепло- и электрогенерацию.

Тем временем сроки реализации текущих проектов (новые трубопроводы и терминалы по сжижению и регазификации газа) в кратко- и среднесрочной перспективе будут, безусловно, изменены из-за срыва графика, определяющего поставки оборудования, и карантина рабочей силы. Следует также ожидать корректировки инвестиционных программ, заморозки или даже полной отмены новых капиталоемких проектов.

Коронакризис стал также причиной временной остановки многих промышленных предприятий и организаций в сфере услуг и, как следствие, привел к снижению объемов потребляемой электроэнергии. Однако краткосрочные шоковые изменения в отрасли не стали столь глубокими и чувствительными, как в нефтяном секторе. Сегодня краткосрочным приоритетом большинства энергетических компаний является обеспечение финансовой устойчивости в условиях падения выручки. В свою очередь, в долгосрочной перспективе снижение цен на ископаемое топливо не окажет радикального воздействия на структуру инвестиционных портфелей в электроэнергетике – до-

минирование проектов возобновляемых источников энергии сохранится.

В такой нелегкий для мировой экономики период существует вероятность того, что именно тренды декарбонизации, децентрализации и цифровизации дадут дополнительный импульс энергетическому переходу. Из-за последствий коронавируса призывы к низкоуглеродному пути восстановления экономик стали звучать все чаще. Нестабильность нефтяного рынка лишь усиливает конкурентные позиции возобновляемых источников энергии на мировом рынке.

Эпидемия коронавируса наглядно продемонстрировала масштабы понятия «глобальная угроза». Сегодня

все чаще стал выдвигаться тезис, что деятельность человека, которая вызывает изменение климата и ведет к утрате биоразнообразия, становится одной из непосредственных причин возникновения пандемий. Изменения в сфере землепользования, интенсификация сельскохозяйственной деятельности, неэкологичные методы торговли, производства и потребления разрушают природу и ведут к увеличению числа контактов между дикой природой, домашним скотом и людьми, что увеличивает риск появления пандемий. Все это, безусловно, находит отражение и в энергетической отрасли. В связи с этим, дискуссии о том, что дешевле – избегать глобальных угроз или приспосабливаться к их последствиям, – после COVID-19, вероятно, вернуться с новой силой.

Примеры отложенных инвестиционных решений по реализации новых проектов сжиженного природного газа

Страна	Проект	Мощность	Оператор	Актуальный статус	Введение в эксплуатацию
Катар	Стадия 1 разработки Северного месторождения и строительство шести линий по производству СПГ	32,5 млн т/г	Qatar Petroleum	Сдвиг начала реализации проекта на 6 месяцев	2025 г.
США	Driftwood LNG	27 млн т/г	Tellurian	Сокращение персонала, кредитные каникулы для возможности реализации проекта. Сдвиг ОИР как минимум на 2021 г. и далее	2024 г.
Мозамбик	Rovuma LNG	15,2 млн т/г	ExxonMobil	Сдвиг принятия ОИР с первой половины 2020 г. как минимум на 2021 г.	2025 г.
США	Port Arthur LNG	13,5 млн т/г	Sempra Energy	Сдвиг принятия ОИР третьего квартала 2020 г.	2024 г.
США	Lake Charles LNG	16,45 млн т/г	Energy Transfer	Компания Shell вышла из проекта. Принятие ОИР отложено как минимум на год	2024 г.
Папуа-Новая Гвинея	Papua LNG	5,4 млн т/г	Total	Принятие ОИР отложено	2024 г.

Открытие Весенней школы НСО – лекция президента ФМП Л.Э. Слуцкого

27 февраля состоялась первая встреча в рамках Весенней школы Научного студенческого общества факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова «Постсоветское пространство: вчера, сегодня, завтра. Взгляд российского экспертно-политического сообщества». В качестве приглашенного эксперта выступил президент ФМП, председатель Комитета Государственной Думы по международным делам Леонид Эдуардович Слуцкий.

Леонид Эдуардович начал свое выступление с краткого ретроспективного обзора, в котором широкими мазками обрисовал ключевые этапы становления и развития постсоветского пространства от распада СССР до нашего времени. В основной части доклада лектор представил свое видение тех вызовов, которые сегодня встают перед странами постсоветского пространства в связи с усилением западного давления и попытками США сохранить однополярное превосходство. Л. Э. Слуцкий подчеркнул, что в сложившихся условиях особое значение приобретают российские интеграционные проекты и инициативы для стран региона. Среди наиболее эффективных форматов были названы ОДКБ, Союзное государство России и Беларуси и, конечно же, ЕАЭС, но, как отметил Леонид Эдуардович, по-прежнему важнейшую роль играет СНГ. Особое внимание было уделено так называемому русскому миру, который Л. Э. Слуцкий определил как зону влияния русского языка и русской культуры. В настоящее время он сталкивается с целым рядом серьезных проблем, обусловленных утратой русским языком прежнего статуса во многих странах постсоветского пространства и недофинансированием новых механизмов и инструментов продвижения русской культуры. В связи с этим Л. Э. Слуцкий подчеркнул важность распространения сети русскоязычных школ и других русскоязыч-

ных учреждений на постсоветском пространстве.

После лекции развернулась активная дискуссия, продлившаяся более полутора часов. Л. Э. Слуцкий подробно ответил на вопросы студентов, которые касались как внутривнутриполитических и экономических проблем бывших советских республик, перспектив их отношений с Российской Федерацией, так и роли региональных и внерегиональных акторов в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В частности, студентов интересовали позиции Турции, Ирана, Китая и США. Л. Э. Слуцкий подчеркнул, что, несмотря на порой очень непростые отношения республик бывшего СССР с Россией, объективная реальность диктует им необходимость ориентироваться на нашу страну, поэтому он достаточно позитивно оценил перспективы выстраивания конструктивного взаимодействия даже со многими странами, которые в настоящий момент настроены наиболее антироссийски. В частности, он отметил: «Надо просто работать. Мы не находимся в какой-то точке невозврата или близко к ней. Мы находимся в точке, где надо оглянуться и понять, что, если мы не можем учиться на чужих ошибках, надо учиться на своих собственных. Думаю, что и с Грузией, несмотря на определенные противоречия, у нас добрососедские отношения, заданные еще задолго до Георгиев-

ского трактата. Вернемся к нормальным отношениям, и с Украиной вернемся, как бы утопично мои слова ни прозвучали сегодня». Говоря о политических и экономических аспектах развития региона, Л. Э. Слуцкий указал, что интеграционные процессы должны развиваться постепенно, строго на добровольной основе и соответствовать потребностям экономики России и бывших советских республик. Красной нитью через все ответы приглашенного эксперта проходила одна важная мысль: Россия не стремится что-то аннексировать или кого-то подчинить. Наша цель выстраивать добрососедские отношения со всеми нашими соседями как с суверенными государствами и равноправными партнерами.

Таким образом, лекция Л. Э. Слуцкого и ее последующее обсуждение позволили рельефно обрисовать картину современных тенденций развития международных отношений на постсоветском пространстве и места в них Российской Федерации, а также создать тот фундамент, на который участники школы НСО будут опираться в дальнейших встречах по мере погружения в тему. Первая лекция задала высокую планку работы, и мы искренне надеемся, что она продержится на таком уровне в течение всего семестра.

Александр Кудрявцев

Весенняя школа НСО: встречи-практикумы

2 и 4 марта в рамках Весенней школы НСО состоялось два практических занятия-семинара, которые провела Ольга Игоревна Трохинова, преподаватель кафедры международной коммуникации ФМП МГУ. В ходе встреч слушатели познакомились с методикой интервьюирования экспертов, получили практические рекомендации, а также подготовили и обсудили обзоры по первой лекции Весенней школы НСО, прочитанной президентом ФМП Л. Э. Слуцким.

Во вторник, 2 марта, О.И. Трохинова познакомила участников НСО с базовыми принципами и навыками интервьюирования. Лекция была проведена в интерактивном формате. Эксперт в ходе рассказа о видах интервью, целях беседы, способах подготовки к ней задавала слушателям наводящие вопросы. Были разобраны ключевые слагаемые и практические инструменты проведения качественного интервью. Особое внимание О. И. Трохинова уделила различным типам вопросов, а также проанализировала те из них, которые были заданы студентами на предыдущей встрече НСО Л. Э. Слуцкому. В конце занятия участники НСО еще раз обсудили в формате открытой дискуссии основные принципы проведения интервью, а также базовые психологические приемы и навыки, позволяющие расположить к себе собеседника.

В четверг, 4 марта, участники НСО представили свои первые работы – реферативные новостные обзоры, посвященные открытой лекции Л. Э. Слуцкого. О. И. Трохинова рассказала об особенностях данного жанра и дала ряд практических советов по доработке структуры и стилистики представленных текстов. В ходе лекции участники школы вместе разбирали их по абзацам, давали свои комментарии и рекомендации, обсуждали, какие ключевые вопросы следует раскрыть подробнее.

Прошедшие встречи подарили участникам школы практические навыки работы с текстом. Они показали, что реферативный обзор – весьма непростой жанр. Автору необходимо отразить и то, что было представлено на лекции, и то, как это было рассказано. К тому же стоит следить за стилем изложения, стараясь гармонично и пропорционально освещать все ключевые аспекты доклада. Как правило, реферативные обзоры

должны содержать лид, некую аннотацию, «шапку» статьи, в которой коротко будет представлено содержание сообщения. Далее стоит немного рассказать об эксперте, который был приглашен прочитать лекцию, указать его послужной список и действующую должность, чтобы читатели обзора могли иметь представление о ГОСТе, если вдруг не слышали о нем ранее. В содержании сообщения необходимо отметить ключевые вопросы, представленные во время доклада. Эксперт в ходе своего выступления может осветить большой ряд проблем, однако автору реферативного обзора следует уделить внимание лишь основным направлениям беседы. Обзор должен отражать все части мероприятия: и лекционную, и ответы на вопросы, и дискуссию, если таковые были. Безусловно, не стоит забывать и о заключении, некоем итоге встречи, обобщающим ее содержание и подчеркивающим ее актуальность. Каждый текст, разумеется, демонстрирует личное видение автора, но в жанре реферативного обзора основным все же является отражение главных идей эксперта, его точка зрения. О. И. Трохинова показала слушателям НСО лишь базовые инструменты работы с текстом, поэтому участникам школы еще есть куда расти, а полученные знания, безусловно, предстоит отработать на практике в ходе подготовки реферативных обзоров для последующих встреч! Итоговые варианты отчетов по первой лекции Весенней школы НСО вы можете найти на сайте нашего факультета и в группе НСО.

Ксения Быстрицкая

Постсоветское пространство как арена соперничества интеграционных проектов

13 марта состоялась вторая лекция в рамках школы Научного студенческого общества факультета мировой политики МГУ «Постсоветское пространство: вчера, сегодня, завтра. Взгляд российского экспертно-политического сообщества».

В качестве приглашенного эксперта выступил заместитель Ответственного секретаря Парламентской Ассамблеи ОДКБ, полномочный представитель Федерального собрания РФ — Михаил Иосифович Кротов. По мнению спикера, на постсоветском пространстве развернулось соперничество двух интеграционных «проектов»: евразийского и антиевразийского. Первый осуществляется странами постсоветского пространства при лидирующей, но не доминирующей роли России. Он нацелен на укрепление связей между государствами региона. Второй проект, напротив, направлен на дезинтеграцию региона и переориентацию постсоветских республик на Запад. Лектор объяснил причины формирования подобной конфронтации, отдельно остановившись на роли внерегиональных игроков.

По словам эксперта, главным лоббистом таких «антиевразийских» проектов, как ГУАМ, Восточное партнерство, партнерство расширенных возможностей с НАТО и т.д., в первую очередь, являются Соединенные Штаты Америки. Вашингтон всегда выступал и будет выступать против евразийской интеграции, так как опасается усиления России в регионе. РФ, в свою очередь, занимает лидирующую позицию в евразийских проектах: ЕАЭС, ОДКБ и Союзное государство Республики Беларусь и России. При этом следует отметить, что новые региональные игроки, например, Китай и Индия, позитивно оценивают процесс интеграции.

М. И. Кротов особое внимание уделил истории становления и развития постсоветских стран. В частности, он отметил, что перед всеми республиками, вышедшими из-под контроля союзного центра после распада СССР, стояли прежде всего три задачи:

1. Укрепление собственной государственности, суверенитета;
2. Проведение радикальных рыночных реформ;
3. Интеграция в мировую политико-экономическую систему.

Их решению призвано было способствовать СНГ, которое предполагало создание своего рода конфедерации. Однако несмотря на объективную взаимозависимость стран СНГ, многие государства переориентировались на сотрудничество с Западом. В итоге в 1990-е гг. произошел «цивилизованный развод республик».

Подводя итог, М. И. Кротов заострил внимание на том, что к началу XXI в. Россия стала проводить политику разноуровневой и разноскоростной дезинтеграции. В

свою очередь, страны, которые принимали участие в западном «проекте», попали фактически и юридически под внешнее влияние и столкнулись с различными внутренними кризисами.

После лекции последовали многочисленные вопросы. Участники НСО расспрашивали приглашенного эксперта о проблемах развития региона, в частности, связанных с влиянием внешних и внутренних игроков. Отвечая на вопросы студентов, М. И. Кротов отдельно остановился на особенностях взаимоотношений России с такими республиками, как Узбекистан и Киргизия. Он также прокомментировал перспективы развития двусторонних отношений с Республикой Беларусь, Арменией, Грузией и некоторыми другими странами. Эксперт подчеркнул, что в евразийском проекте Россия является первой среди равных, а в «антиевразийском» США реализуют принцип западного доминирования. В заключение М. И. Кротов отметил, что общая картина развития евразийской интеграции выглядит достаточно оптимистично. При этом М. И. Кротов подчеркнул, что Россия должна проводить гибкую политику и руководствоваться принципом «доверяй, но проверяй». Он выразил надежду на нормализацию отношений со всеми странами в регионе, включая Украину, Молдову, Грузию.

Можно сделать вывод, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве в ближайшее время приобретут качественно новую динамику. Тем более важным и актуальным становится изучение их современного состояния. Следующие встречи Весенней школы НСО будут посвящены не только экономическим, но и политическим и культурно-идеологическим аспектам интеграции. Следите за новостями!

**Дарья Рожкова,
Софья Полковникова**

Информация правит миром. Магистерская программа ФМП ИОГИ

Non Parer продолжает цикл статей, посвященных направлениям подготовки магистрантов факультета мировой политики. Сегодня информация — это бесценный ресурс, владение которым ценится иногда выше всяких достоинств. Поэтому неудивительно, что многие студенты хотят обучаться на программе, которая даст им возможность научиться правильно оперировать фактами и тем самым влиять на процессы, происходящие в обществе в конкретный момент. Чему вас научат на направлении «Информационное обеспечение государственных интересов»? Кем вы сможете работать в дальнейшем? На эти и другие вопросы ищите ответы в статье.

В 2020 г. я поступила в магистратуру факультета мировой политики на программу «Информационное обеспечение государственных интересов» (ИОГИ). Сомнений по поводу выбора магистерской программы у меня не было – я окончила бакалавриат ФМП, защитила ВКР на кафедре «Информационное обеспечение внешней политики» и хотела продолжать развиваться в том же направлении.

Однако вместе со мной на программу ИОГИ поступили студенты разных кафедр нашего факультета и других факультетов МГУ, а также обучающиеся из различных московских и региональных учреждений высшего образования. Моя одногруппница Елизавета Франова, которая училась на факультете мировой политики в бакалавриате и окончила кафедру «Региональных проблем мировой политики», уверена, что программа ИОГИ является крайне перспективной: «На сегодняшний день общественный и информационный аспекты международных отношений — одни из наиболее актуальных и

вызывающих повышенный интерес. Данная программа предлагает целый ряд курсов, которые всесторонне раскрывают эти аспекты, а также помогают развивать в себе полезные для будущей профессии навыки».

Другой мой одногруппник, Григорий Фадеев, выпускник факультета политологии Московского Государственного Лингвистического Университета (МГЛУ), заинтересовался программой, потому что тема формирования и поддержания образа государства на международной арене привлекала его еще со времен бакалавриата. Григорий отмечает, что программа ИОГИ осуществляется при поддержке Департамента информации и печати МИД России и именно этот фактор стал для него решающим при выборе магистерской программы.

Действительно, одно из преимуществ ИОГИ — это занятия, проводимые сотрудниками Министерства иностранных дел. Опытные дипломаты из департамента

информации и печати рассказывают студентам о работе пресс-служб МИДа, различных аспектах имиджа государства, гибридной войне и тонкостях цифровой дипломатии. Я считаю, что для нас такие занятия особенно ценны, ведь они проводятся специалистами-практиками, которые могут не просто рассказать о теории, но и подкрепить свой рассказ уникальными примерами.

Заместитель директора департамента информации и печати МИД Александр Михайлович Бикантов отмечает, что курсы, которые преподают в Министерстве являются полезными и актуальными «независимо от того, где будущий выпускник работает: в корпорации или в государственном учреждении». К числу вопросов, обсуждаемых на занятиях, по словам А.М. Бикантова, относятся проблемы, которых в международных отношениях 20-30 лет назад просто не существовало: дезинформация, борьба с фейками и постправдой, а также противостояние с иностранными медиа как способ противоборства в информационной среде в стране оппонента.

Александр Михайлович также подчеркнул, что вопросы подачи и самоподачи как в глобальном информационном, так и в микроинформационном пространствах, являются чрезвычайно важными в современном мире, ведь «по одежке встречают».

Помимо традиционных для университета лекций и семинаров, в МИДе мы принимали участие во встречах с представителями иностранных СМИ. Данные мероприятия (которые в этом году проходили в онлайн-формате) предоставили нам возможность пообщаться с высококлассными специалистами в сфере журналистики, узнать из первых уст об образе России в европейских, ближневосточных и латиноамериканских медиа, а также выяснить, какие новости о нашей стране интересуют зарубежную аудиторию.

Программа ИОГИ охватывает различные информационные аспекты, в том числе вопросы, связанные с правовым регулированием информационного пространства. На семинарах по международному информационному праву мы обсуждаем проблемы цензуры в социальных сетях, разбираемся в тонкостях закона об экстремизме, проводим ролевые судебные процессы по модели Европейского суда по правам человека и т.д.

Также в рамках программы уделяется особое внимание развитию навыков владения иностранными языками. Занятия по таким дисциплинам, как «Аргументация как коммуникативная стратегия» и «Современные теории СМИ», проходят полностью на английском языке. Мы обсуждаем последние мировые новости и разбираем речи политиков, выполняем творческие задания. Эти занятия помогают развивать коммуникативные способности, а также навыки самопрезентации.

Руководитель магистерской программы, доктор филологических наук и заслуженный профессор МГУ

Татьяна Георгиевна Добросклонская отмечает: «Неосомненным преимуществом программы является ее практическая направленность, которая позволяет магистрантам не только проходить практику в ДИП МИД России и пресс-службах прочих рейтинговых организаций, но и получать бесценный опыт и навыки информационно-аналитической работы, необходимые для построения успешной карьеры в сфере международных отношений».

В заключение хочется сказать, что знания и навыки, полученные на программе «Информационное обеспечение государственных интересов», предоставляют прекрасную возможность выбора будущего поля профессиональной деятельности: от журналистики и аналитики до работы в пресс-центрах крупных международных компаний и государственных структур, в том числе в пресс-службе Министерства иностранных дел.

Елена Никольская

Не единым регионом живы: как устроена жизнь на программе «Региональные проблемы мировой политики»

Удивительно, но факт: в этом выпуске мы открыли вам секреты одной из магистерских программ, а сейчас пришло время и для второй, — «Региональные проблемы мировой политики». Алина Вернигора — студентка кафедры регионов — рассказывает о плюсах, минусах и подводных камнях специальности (спойлер: минусов, как и подводных камней, не обнаружено).

Для начала стоит сказать, что кафедра региональных проблем мировой политики для меня уже родная — вот уже четыре года я учусь на этом направлении. Когда я поступала в магистратуру, то уже даже не смотрела на другие программы, потому что знала точно: только здесь смогут удовлетворить мое нескончаемое стремление к расширению границ собственных знаний и компетенций.

Постараюсь емко охарактеризовать то, чем занимаются студенты на нашей программе. Кафедра региональных проблем поставила перед собой амбициозную задачу — не только осветить процессы во всех значимых регионах, от Латинской Америки до Ближнего Востока, но и показать уже сформировавшимся специалистам-международникам то, в каких сферах и как они могут себя реализовать. Поэтому наряду с теоретическими курсами студенты также знакомятся с основами аналитической журналистики, ситуационного анализа, методами аналитической работы, принципами устойчивого диалога. Практическая направленность

кафедры — определенно одно из ее преимуществ. За два года мы научились правильно оформлять информационные и аналитические записки для государственных структур, писать статьи и заметки по международной проблематике для журналов и газет, узнали, как проводить ситуационный анализ проблем и конфликтов — от составления сценария до модерирования дискуссии и написания итогового документа.

Когда я училась в бакалавриате, моя сфера интересов была ограничена Европейским союзом и всем, что с ним связано. Но все кардинально изменилось в магистратуре. Здесь уже не работала отговорка «я — европеист». Преподаватели стремились сделать из нас специалистов, которые могли бы компетентно высказываться по любым актуальным региональным проблемам. Сегодня ты пишешь аналитическую заметку о Нидерландах как центре наркотрафика, завтра — уже о торговле органами на Ближнем Востоке, а что тебя ждет дальше — остается только гадать. Думаю, именно из-за этого к моим научным интересам впоследствии

пристроилась и Турция. Это программа для пытливых умом и жадных до знаний. Учиться здесь сложно, но не менее увлекательно.

Не могу не отметить уникальность преподаваемых курсов. Мало кто из выпускников знает, что такое, например, дипломатия «второго трека». Еще меньше людей могут это развернуто объяснить. У нас же роли «второго трека» в дипломатии посвящен целый курс, который читает Александр Георгиевич Аксененко — человек с выдающейся биографией, на собственном опыте знающий свой предмет.

Наша программа — это прекрасная возможность познакомиться с иностранными экспертами. Их очень часто приглашают на занятия, чтобы дать комментарии и ответить на вопросы, особенно беспокоящие начинающих специалистов. Это чувство причастности к международному научному сообществу — то, чем я так дорожу на нашем направлении. Особенно приятно чувство гордости, когда, читая публикации «Валдая» или «РСМД», слушаешь новости, видишь знакомые фамилии и вспоминаешь, как общался с этими людьми. Широкая сеть экспертов — еще одна отличительная черта нашего направления. Специалист по вашей теме, который сможет помочь, найдется всегда. Придут на помощь эксперты и научные сотрудники далеко за пределами факультета — и в Институте стран Азии и Африки, и в Институте Востоковедения, и в Институте Европы, и в Институте мировой экономики и международных отношений, и даже за рубежом. Оглядываясь назад, я вспоминаю, как много увлекательных историй из их жизненного опыта я услышала.

Ни для кого не секрет, что наша кафедра — она про науку. Это очень часто отталкивает поступающих. Но на-

учная работа — она почти что творческая. Вы решаете, о чем, что и как писать. Перефразирую крылатую фразу: вы ученый, вы так видите. И ваше видение всегда ценится. Именно за это я так люблю наше направление и уверена, что годы в университете (и часы на кафедре) я буду вспоминать с трепетной теплотой.

Алина Вернигора

Модель ООН МГУ: с чего все начиналось и как прошло в 2021 г.

Интервью О. М. Нарышкиной газете Non Paper

Каждый год факультет мировой политики МГУ проводит грандиозное мероприятие — Модель ООН МГУ, и этом году прошла ее юбилейная XV сессия. О. М. Нарышкина, куратор Модели ООН МГУ, старший преподаватель кафедры международной безопасности, заместитель декана ФМП МГУ по внеучебной работе рассказала Non Paper о ключевых моментах, связанных с Модельным движением как в России в целом, так и в МГУ в частности. Стоит ли бояться участвовать в подобных мероприятиях? Как организовываются сессии Модели в МГУ? На эти и другие вопросы вы сможете найти ответы в интервью.

Алексей: Насколько популярно модельное движение в России? И что способствует его распространению?

О. М. Нарышкина: В последние несколько лет модельное движение набрало новые обороты и становится все более популярным. Тысячи ребят со всей России принимают участие в моделях, с головой погружаются в мир ООН и международных отношений, учатся отстаивать свои позиции, расширяют кругозор и круг общения. Во многом это связано с возможностями, которые открываются для делегатов. Образование в нашей стране во многом направлено на получение hard skills. Школьники и студенты усваивают большое количество информации по различным дисциплинам, изучают языки, получают профессиональные знания, в то время как модель — это уникальная площадка, где можно получить недостающие soft skills, применить изученное на практике, развить навыки ораторского искусства, критического мышления и коммуникабельности, научиться дискутировать, отстаивать своё мнение и работать в команде. Немаловажным является то, что повестки,

которые обсуждаются ребятами являются актуальными и затрагивают насущные проблемы современного мира, что позволяет участникам в полной мере почувствовать себя настоящими дипломатами.

Алексей: Многие студенты и школьники боятся участвовать в моделях, потому что думают, что у них нет должных качеств. Например, они стесняются публично выступать или они не уверены в своих навыках устной речи. Что Вы можете посоветовать таким людям?

О. М. Нарышкина: Во-первых, я думаю, что бояться — это последнее, что стоит делать в данной ситуации, особенно на Модели ООН МГУ. Наши студенты-организаторы выстроили систему взаимодействия с делегатами, в том числе новичками, основанную на позиции максимального дружелюбия и комфорта. Во-вторых, навыки блестящей устной речи, в первую очередь публичной, невозможны без практики! Обязательно нужно с чего-то начинать. В-третьих, в Модели предусмотрена роль наблюдателей: можно

слушать, что говорят другие делегаты, не вступая в дискуссию. Но все же, я бы рекомендовала меньше переживать и пробовать.

Алексей: Расскажите, пожалуйста, как и когда зародилась модель ООН МГУ?

О. М. Нарышкина: История Модели ООН МГУ началась с инициативы студентов факультета мировой политики в 2006 году. В 2009 году прошла Модель университетского масштаба и стала называться «Модель ООН МГУ». В 2010 году на постоянной основе функционировали 4 комитета: Совет безопасности, МАГАТЭ, Совет по правам человека и ECOSOC на английском. В 2014-2017 гг. уже моделировалась работа Международной морской организации, Совета безопасности на испанском и китайском языках, был открыт Комитет журналистики. В 2018 г. Модель ООН МГУ стала одной из немногих моделей в мире, на которой представлены все 6 официальных языков ООН. В 2019 г. в Модели приняли участие более 350 человек из 24 стран мира.

Алексей: Чем отличается Модель ООН МГУ от моделей других вузов?

О. М. Нарышкина: У Модели ООН МГУ своя особая атмосфера, атмосфера, которую можно прочувствовать только в лучшем университете страны. На Модели ООН МГУ представлен Комитет журналистики на постоянной основе, что дает студентам и школьникам не только возможность почувствовать себя дипломатом, но и попробовать себя в роли журналиста одного из ведущих информационных агентств мира. Модель ООН МГУ стала первой в России экофрендли моделью.

Алексей: Пандемия COVID-19 внесла множество сво-

их коррективов. Изменения коснулись и юбилейной модели ООН МГУ 2021: в этом году она проводилась в дистанционном формате. Расскажите, пожалуйста, с какими трудностями столкнулись участники в этом году? Что давалось труднее, а что, наоборот, стало фишкой именно данной модели?

О. М. Нарышкина: Единственная трудность, с которой сталкивались делегаты – нестабильная связь, часто – у самих делегатов, но мы понимаем, что это не зависящий от нас фактор. Само проведение модели «онлайн» не вызвало серьезных трудностей, скорее даже есть плюсы – новый формат дал возможность ребятам из разных стран и регионов, которые ранее по разным причинам не могли приехать в Москву на очные мероприятия, наконец принять участие в Модели ООН. Многие участники в этом году принимали участие в Модели впервые.

Спасибо большое О. М. Нарышкиной за подробный рассказ о Модели ООН!

Интервьюер: **Алексей Лотоцкий**

Гость: **Ольга Михайловна Нарышкина, старший преподаватель кафедры международной безопасности ФМП МГУ, заместитель декана ФМП МГУ по внеучебной работе**

Подготовка интервью: **Анастасия Пушкарева, Гюлшан Джавадова**

